

TRAVELER

ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ

ГРЕГ ВАЙСМАН

World Of Warcraft

Грег Вайсман

**World Of Warcraft.
Traveler: Извилистый путь**

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Вайсман Г.

World Of Warcraft. Traveler: Извилистый путь / Г. Вайсман —
«АСТ», 2018 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-109067-8

Жизнь двенадцатилетнего Арамара Торна круто изменилась, когда его отец, капитан Грейдон Торн, от которого долгие годы не было вестей, решил взять его с собой в очередное путешествие. Увы, несколько месяцев спустя корабль Грейдона был атакован жуткой разбойничьей бандой, известной как Сокрытые, и Арам в компании со вторым помощником капитана Макасой Флинтвилл оказался в непроходимых дебрях Фераласа. Но куда больше мальчика тревожили вопросы, оставленные отцом без ответа. Кто эти Сокрытые? Что за странный компас – компас, который даже не указывает на север, – вручил ему на прощание Грейдон? Чтобы разгадать эти тайны, Арам с Макасой пускаются в путь, и в странствиях по удивительным землям Азерота обретают нескольких новых друзей – а также немалое число врагов. Когда-то Арам не слишком был внимателен к тому, что происходит в мире, и вот теперь, во время схваток с полчищами нежити, гонок на скоростных лодках и даже встречи лицом к лицу с таинственными богами троллей, друзья ждут указаний именно от него! Сможет ли мальчик стать настоящим лидером – таким, каким хотел бы видеть его отец, – или их с Макасой поиски обречены на неудачу?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109067-8

© Вайсман Г., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая. Вдоль границ Фераласа	7
Глава первая. Госпожа и Дитя	7
Глава вторая. Тень, заслонившая свет	12
Глава третья. Элита Гордока	15
Глава четвертая. Подсчеты	21
Глава пятая. Недомерок	26
Глава шестая. Переговоры	31
Глава седьмая. Малышка-матриарх	35
Глава восьмая. Свирепый Утес	39
Глава девятая. Враг моего врага	43
Глава десятая. Союзник моего союзника	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Грег Вайсман

World of Warcraft.

Traveler: Извилистый путь

Greg Weisman

World of Warcraft: The Spiral Path

© 2018 Blizzard Entertainment, Inc.

* * *

Моим школьным преподавателям истории: мистеру [Джеймсу] Экерману и доктору [Джону] Джонсону, превратившим факты в историю, старинное – в насущное, причины – в следствия, а человеческие судьбы – в нити бесконечного гобелена...

Часть первая. Вдоль границ Фераласа

Глава первая. Госпожа и Дитя

Большая из двух лун Азерота, Бледная Госпожа, шла на убыль, но диск Голубого Дитя все еще пребывал в фазе полнолуния, меньший по размеру, и света обеих небесных сфер, даже в отсутствие костра, было вполне достаточно для дела, которым занимался в эту минуту Арам-мар Торн. Положив на колени блокнот, Арам, зажав в руке порядком укоротившийся карандаш, наконец-то рисовал одного очень близкого, но до сих пор не запечатленного на страницах блокнота человека.

Позируя, Макаса Флинтвилл чувствовала себя неловко.

– Не надо позировать, – сказал ей Арам. – Просто постарайся не слишком вертеться.

– Хорошо. Прекрасно, – сказала она, однако спина ее так и осталась прямой, а поза – заостреннейшей и мучительно неловкой.

Арам привык к тому, что Макаса всегда держится прямо. Но, сколько он ее знал, в собственной коже ей всегда было вполне удобно и уютно, и потому на рисунке эту неловкость и заостренность пришлось постараться сгладить. Макасе Флинтвилл было семнадцать, но держалась она, точно женщина лет тридцати, а то и пятидесятилетний боевой генерал. Метр семьдесят восемь ростом, стройная, мускулистая, темнокожая; темно-карие глаза, черные волосы в мелких кудряшках... На борту «Волнохода» она стриглась как можно короче – так, чтобы стрижка повторяла форму головы. Однако их путь сквозь джунгли Фераласа длился уже почти месяц, и, хотя любой сторонний наблюдатель, несомненно, назвал бы волосы Макасы очень короткими, Арам, хорошо зная сестру, не сомневался: сама она давно думает, что ее прическа «недопустимо неопрятная».

«Сестру»... Теперь считать Макасу сестрой казалось вполне естественным. Поверить было невозможно, что всего месяц назад Арам, скорее, назвал бы ее «заклятый враг». Многие им с тех пор довелось пережить, и в доказательство этого у обоих имелись шрамы – и не только на теле, но и на душе. И теперь, рисуя тонкие темные рубцы поперек лба и левой щеки Макасы, Арам вспоминал их первую встречу семь долгих месяцев назад...

Отец Арамара Торна, капитан «Волнохода», покинул семью, когда Араму было шесть лет. Официально Грейдон Торн нанял Арама в качестве юнги, но на самом деле – с тем, чтобы наконец познакомиться с сыном.

Пока капитан Грейдон Торн пытался научить сына всему на свете, от фехтования до множества сведений о флоре, фауне и разумных обитателях Азерота, его второй помощник Макаса Флинтвилл взяла на себя нелегкую задачу: сделать из двенадцатилетнего мальчишки, никогда в жизни не то что не бывавшего в плавании, а даже не видавшего моря, моряка. Следовало признать, к учебе Арам в обоих случаях отнесся без малейшего интереса и прилежания. Ему попросту не хотелось быть на корабле с любым из них двоих, и скрывать это он даже не пытался.

В добавок, сам того не желая, Арам встал между Макасой и Грейдоном, к которому она относилась как к отцу... Одним словом, сказать, что в первые шесть месяцев знакомства Арам с Макасой не ладили, было бы шедевром преуменьшения.

Нарисовав множество неизвестно где и как полученных шрамов на неприкрытых руках Макасы, Арам занялся отделкой оружия и амуниции: абордажной сабли и секиры на поясе,

длинной железной цепи через плечо и лежавшего рядом щита, обитого несколькими слоями гасящей удар сыромятной кожи.

Но за последний месяц все изменилось. Трагически разлученные с Грейдоном и «Волноходом» во время пиратского нападения на корабль, Арам с Макасой спаслись бегством в шлюпке и оказались совсем одни в диких, враждебных землях. Только теперь они подружились. Сколько раз, увидев, что он вынимает из кармана блокнот, Макаса лишь рычала:

– Даже и не думай помещать меня в эту треклятую книжонку!

И он неизменно отвечал:

– Обещаю, что не стану рисовать тебя, пока сама не попросишь.

И Макаса, конечно же, никогда не просила об этом. До самого сегодняшнего утра, когда она, к великому удивлению Арама, улыбнулась и сказала:

– Пожалуй, попрошу. Я слышала, это – добрая магия.

«Добрая магия»... Все то, что теперь связывало их... Они прошли через трудности и утраты, через опасности и трагедии. Но вместе – выжили, а заодно не только примирились друг с другом, но и осознали, что же связывает их. Свое истинное родство. Свое... братство.

Прервав работу, Арам поднял взгляд. Бледная Госпожа опускалась за каменную громаду Небесного пика, где накануне, взяв с них последнее обещание и вверив им последнюю заботу, умер их друг, ночной эльф Талисс Серый Дуб.

Макаса в первый раз пошевелилась, оглянувшись через плечо туда, куда смотрел Арам. Высоты Небесного пика остались в долгом дне пути позади, однако оба они все еще могли видеть, как блеснит в свете Синего Карлика водопад, у подножья которого Талисс обрел прошлым утром вечный покой. Повернувшись к Араму, Макаса печально кивнула: она понимала, куда устремлены его мысли. Забыв о необходимости позировать, она снова стала самой собой, и Арам поспешил запечатлеть на бумаге сочувствие в глазах сестры, заслуженное с таким трудом.

Да, Макасе не представилось ни возможности, ни времени, чтобы узнать и полюбить Талисса, как Арам, но это было неважно. Она понимала, что у Арама на душе, и этого было довольно. Сказать по правде, довольно было одного того, что ради спасения ее брата калдорай пожертвовал своей тысячелетней жизнью и принял в спину два арбалетных болта, предназначавшихся Араму. Этого было более чем достаточно, чтобы ночной эльф навсегда остался в храме ее памяти, как друг, соотечественник и настоящий герой.

Арам ощущал отсутствие Талисса куда острее и принимал его куда ближе к сердцу: общество мудрого, неизменно веселого ночного эльфа ненадолго заполнило пустоту, порожденную смертью отца. Теперь же для него были потеряны оба – и Грейдон, и Серый Дуб. «Не потеряны, – сказала бы Макаса. – Мертвы. Они мертвы. Прими это. Прими, и не пытайся подсластить». Жестким человеком была она, эта Флинтвилл, непоколебимо честным и прямым, но со временем Арам научился ценить эти качества.

– Мркса? – с надеждой спросил странный тонкий голосок.

Это был Мурчаль – их юный, маленький, зеленый, длиннорукий и длинноногий товарищ-мурлок; тело – практически одна огромная голова с большущими, проникновенными щенячьими глазами навывкате. Вдвоем с еще одним их спутником по имени Клок они вернулись в лагерь, неся с собой охапки хвороста.

Макаса с досадой покачала головой:

– Нет. Никаких костров. Я же сказала: мы все еще слишком близко к Забытому Городу и не станем поднимать в небо столб дыма, который приведет врага прямо к нам. Я-то думала, вы ушли за ягодами ветроцвета!

– Ягод нет, – сказал Клок, сваливая оказавшийся ненужным хворост между Арамом и Макасой. Мохнатый гиеночеловек был воином-гноллом, хоть и еще щенком (правда, щенком весьма сильным и широкоплечим).

Все ненадолго замолчали, оглядывая лагерь – каменистую полянку у небольшого ручейка, недалеко от границы между Тысячей Игл и непроходимыми джунглями Фераласа. Казалось, темные заросли в лунном свете клонятся к путникам, нависают над головой. Хвост, которому не суждено было сгореть, лежал как раз там, где путники – оставь им поспешное бегство хоть толику времени для охоты или рыбалки – развели бы костер, приготовили добычу и наслаждались ужином. Четыре живота заурчали как один.

Только теперь Арам вспомнил, что голоден. Очень голоден.

– Урум н Мркса млгтгrrr, – сказал Мурчаль. – Мурчаль н Лок млгтгrrr. Мурчаль мрругл дrrрз я ммгр ммм мммм флллурлок, нрк нк мгrrrrрл. Нк мгrrrrрл!

Макаса, сощурившись, взглянула на мурлока и обратила вопросительный взгляд к Араму.

Тот только пожал плечами:

– Не знаю. Думаю, несколько слов могу угадать. Знаю, что я – «Урум», а ты – «Муркса»...

– Мркса, – поправил его Мурчаль.

– «Лок» – это Клок, – добавил Клок.

– И все мы – его «дrrрз я». То есть, друзья. Но, кроме этого... нет, ничего не понимаю.

Но Мурчаль только покачал головой и еще три, а то и четыре раза повторил:

– Нк мгrrrrрл, нк мгrrrrрл...

Его живот громко заурчал, словно подчеркивая жалобу.

«Когда же мы в последний раз ели? – подумал Арам. – Дня три тому назад?»

За эти три дня им довелось потратить немало сил: вынужденный марш, гладиаторский бой, дерзкий побег... Казалось бы, он должен быть потрясен до глубины души. До полного отчаянья. Но – странное дело! – сейчас Араму было так легко, как не бывало уже много недель, может, даже месяцев. Как бы ни ныло в животе, душа его была спокойна. Да, они голодны, за ними гонятся. Но враг был далеко и, благодаря тому, что Арам с друзьями сбежали по воздуху, верхом на самой настоящей виверне, имел лишь самое смутное представление, в какую сторону направились беглецы, и никак не мог напасть на их след. Потому-то Арам и смог ненадолго расслабиться в компании друзей, под умиротворяющим лунным светом.

Он завершил рисунок, поставив в уголке слегка приукрашенную завитушками подпись, и спрятал карандаш в карман рубашки. Макаса смерила его сердитым взглядом – о, как знаком был этот взгляд!

– Разве ты не хочешь посмотреть? – спросил он.

Клок с Мурчалем едва не опрокинули друг друга, спеша увидеть последнее творение Арама.

– Ммм мrrrrгтк, – проворковал Мурчаль.

Со слов Талисса Арам знал: это значит «добрая магия».

Клок решительно кивнул и присоединился к похвалам Мурчаля.

– Добрая магия, – уверенно подтвердил он.

Для мурлока и гнолла «добрая магия» Арамова блокнота была отнюдь не метафорой. Для них в том, как Арам, орудуя карандашом, переносит на бумагу людей и окрестные виды, действительно было что-то волшебное. Даже если бы на ладони Арама вдруг появились из ниоткуда настоящие ягоды ветроцвета, это вряд ли впечатлило бы их сильнее.

Что до самого Арама – ему просто нравилось рисовать и понимать, что это удастся ему очень и очень неплохо. Отчим счел его настолько талантливым, что, не пожалев недельного заработка, купил пасынку в подарок к двенадцатому дню рождения переплетенный в кожу

блокнот, и этим блокнотом Арам дорожил больше всего на свете. По крайней мере, до тех пор, пока не получил от отца компас, а от Талисса – желудь.

Но сейчас Араму не хотелось думать ни о компасах, ни о желудях. Хотелось, чтобы Макасе захотелось взглянуть на свой портрет. Но она даже не сдвинулась с места. И даже сделалось ясно, не ответила на вопрос, хочет ли она взглянуть на рисунок.

– Так разве ты не хочешь посмотреть? – с внезапной неуверенностью спросил Арам еще раз.

Макаса вновь бросила на него сердитый взгляд.

– Не знаю. А ты как думаешь?

Зная, как это раздражает Макасу, Арам подавил желание закатить глаза, поднялся, обошел кучу хвороста и шагнул к ней.

– Надеюсь, что да, – сказал он, сунув блокнот ей под нос.

Макаса разглядывала освещенный луной рисунок целую минуту, и с каждой новой секундой Араму становилось все неудобнее. Наконец она заговорила:

– Так я и выгляжу?

– Мргле, мргле, – сказал Мурчаль (что, как было известно Араму, означало «да»).

– Макаса, – коротко подтвердил Клок, явно не сомневавшийся в этом ни на миг.

Арам сощурился.

– Во всяком случае, – ответил он, – так ты выглядишь для меня. Тебе не нравится?

– Она слишком мягкая, – задумчиво сказала Макаса.

«Не “я”, – подумал Арам. – “Она слишком мягкая”...»

– Ты ведь выглядишь так не каждую секунду, – сказал он вслух. – Только в один определенный момент. Но... именно такой я вижу тебя, если закрою глаза.

– Если ты видишь меня с закрытыми глазами, зачем мне нужно было позировать?

– Нет, понимаешь...

– Ладно. Наверное, вышло хорошо, – допустила она.

Но теперь Араму казалось, будто она просто старается успокоить его.

– Да нет, портрет вовсе не обязательно должен тебе понравиться, – сказал он, стараясь скрыть разочарование.

Закрыв блокнот, мальчик обернул его непромокаемой тканью, сунул в задний карман штанов и вернулся на место.

– Почему же, хороший портрет...

Однако это звучало еще менее убедительно.

– Ты просто несносна, – пробормотал Арам.

– А тебя избаловали, – откликнулась Макаса.

– Меня?

– Если все вокруг не поют тебе хвалебную оду, тут же начинаешь дуться.

– Никто и не просил тебя петь. Ты вообще петь-то умеешь?

– Я не пою. И впредь петь не стану. Ни для тебя, ни для кого-то еще.

– Ужасная потеря для всех нас... – Арам покачал головой. – О чем мы только говорим?

– О моем надувшемся избалованном младшем братце.

Арам вскинул на Макасу сердитый взгляд, но она только улыбнулась, а потому вскоре заулыбался и он.

Глава вторая. Тень, заслонившая свет

Клок вынужден был стоять в карауле первым. Мурчал уже спал – тихонько похрапывая, пуская пузыри, один за другим надувавшиеся и лопающиеся на зеленых рыбьих губах.

Без костра летняя ночь на рубеже Фераласа с Тысячей Игл была холодна и с каждой минутой становилась все холоднее. Пришлось надеть еще один подарок на день рождения – серый шерстяной свитер, связанный матерью в честь одиннадцатилетия Арама. В скитаниях и приключениях свитер сильно испачкался, однако оставался все таким же теплым. Затем Арам укрылся поношенным кожаным плащом отца, натянув его до самого подбородка, будто одеяло в собственной кровати там, дома, в далеком Приозерье. Плащ все еще пах морем, хотя, возможно, Араму это только казалось. То был предпоследний подарок, полученный от отца перед расставанием. Вспомнив об этом, Арам полез за пазуху – проверить, на месте ли последний подарок Грейдона Торна, компас, висевший на цепочке на шее.

Компас был на месте.

Вновь улегшись в слегка влажную от росы траву, Арам взглянул на Макасу. Похоже, ей очень не хотелось оставлять бодрствующий мир (полный разбойников-огров, охотящихся за компасом душегубов и ядовитых змей) в желтых пятнистых лапах Клока. Арам знал: она вообще не склонна доверять кому-либо (включая и его), кроме самой себя. Вот и теперь Макасу раздирали внутренние противоречия. Она поджала нижнюю губу, а потом прикусила ее, глядя, как Клок стоит на страже, поигрывая боевой дубиной, украденной у огра. По-видимому, его очевидная страсть к оружию вместе с доблестью, проявленной во время бегства из Забытого Города, успокоили Макасу. Кивнув Араму, она опустила голову на щит, прислоненный к большому валуну. Так она и собиралась спать – полулежа, в любой момент готовая к бою, с правой рукой на рукояти абордажной сабли. Левая рука девушки дрогнула, неосознанно нащупывая гарпун, который пришлось бросить несколько дней назад. Арам знал: без гарпуна Макаса чувствует себя едва ли не голой. Нет, даже не голой – увечной, словно лишилась руки или ноги.

Но это не могло помешать ей уснуть. Макаса уснет так же, как делает все – легко и добросовестно. А после, в нужное время, еще до того, как Клок разбудит ее, проснется и сменит его в карауле.

Арам повернулся набок. От голода, на который прежде было так легко не обращать внимания, нестерпимо ныло в животе. Арам ничуть не сомневался, что это не даст заснуть, но не учел того, что не спал уже сорок с лишком часов. Стоило прикрыть глаза, и он тут же погрузился в сон...

– Арам, – окликнул Голос. – Ты меня слышишь?

– Да. И даже лучше прежнего.

– Ты знаешь, кто я и что я такое?

– Ты – Свет. Голос Света. И я как-то должен тебя... «спасти». Это – все, что я знаю. Может, ты расскажешь мне что-то еще? Я хочу... мне очень нужно знать больше.

– Повернись ко мне. Посмотри на меня, Арамар Торн, и многое узнаешь.

Арам повернулся к Свету. Он много раз видел его во сне – еще до всех этих странных новых бед – и каждый раз Свет едва не лишил его зрения. Теперь он сиял ярче прежнего, но Арам собрал всю волю в кулак и не отвернулся. И даже не моргнул.

– Ответы, которые ты ищешь, – сказал Голос, – там. Внутри Света. Приблизься.

Арам двинулся вперед. Это оказалось нелегко. Казалось, Свет имеет плотность: идти сквозь него – все равно что плыть в потоке. Но Арам не отступал.

– У меня так много вопросов, – сказал он.

– Ответы, которые ты ищешь, – повторил Голос, – там. Внутри Света.

– Нет, – мрачно пророкотал какой-то новый голос. – Внутри этого Света обитает только смерть.

Между Светом и Арамом, преградив мальчику путь, возник огромный темный силуэт.

– Здесь ты не получишь ответов и не раскроешь тайн, – мрачным, гневным баритоном сказал силуэт. – Ты отдашь компас и прекратишь свои поиски – или умрешь.

– Нет! – дерзко крикнул Арам. – Этот компас подарил мне отец!

Резко, точно атакующая кобра, склонившись к Араму, силуэт схватил его за разорванный ворот рубашки и подтащил к себе. Тут мальчик смог разглядеть черты лица врага, неожиданно вставшего на его пути. Черты оказались знакомыми – едва ли не столь же знакомыми, как отцовские. Густые черные брови, широкий лоб, квадратная челюсть, почти черные, горящие неприкрытой яростью глаза... Это был капитан Малус. Тот, кто убил Грейдона Торна.

– Мальчик, – прохрипел Малус, – если ты так скучаешь по отцу, я с легкостью могу отправить тебя к нему.

Свободная рука Малуса сомкнулась на компасе и сорвала его с цепочки.

Арам вздрогнул, ахнул и проснулся. Клок, крутанувшись волчком, как ужаленный, вернулся к нему. Макаса тоже открыла глаза, разом стряхнув с себя чуткий сон. (Мурчаль, однако ж, так и продолжал браво пускать пузыри.)

– Что стряслось? – спросила Макаса.

Сбросив отцовский плащ, Арам лихорадочно полез за пазуху, под свитер и рубашку, и нащупал холодный металл компаса на груди. Но и этого оказалось мало. Чтобы воочию убедиться, что подарок отца все еще при нем, он вытащил его из-под одежды.

На вид в нем, сколько ни гляди, не было ничего особенного. Простой компас на золотой цепочке: белый циферблат, медный корпус, золотые буквы – С, В, Ю, З – указывают стороны света... Необычным было одно – стрелка из тонкого осколка кристалла, указывавшая не на север, а на юго-восток. Одним словом, с виду компас был сломан.

Но видимость часто бывает обманчивой.

Как его описывал Талисс?

– Это осколок чистого звездного света с небес, несущий в себе небесную искру, – сказал друид. – Попросту говоря, это значит, что кристалл, из которого сделана стрелка, не из нашего мира. На нем лежат какие-то чары.

Его слова подтвердились – подтвердились стократ. Отец отдал компас Араму, оказавшись в отчаяннейшем положении. Практически, это было последним, что сделал он в этом мире. Он наказал сыну беречь компас любой ценой и обещал: «Этот компас приведет тебя туда, куда нужно!»

Вначале Арам решил, что компас приведет его домой, в Приозерье. В то время он, как и сейчас, отчаянно скучал по матери Сейе, по отчиму Роббу, по единоутробным брату и сестре Робертсону и Селии, по своему псу Чумазу... Скучал по старой, небогатой событиями жизни в домике возле кузницы, где Робб Глэйд учил его мастерству простого деревенского кузнеца (никак не морехода и уж тем более не невольного путешественника по этим проклятым дебрям). Скучал по вкусной еде и материнским объятиям. По буйным играм с Робертсоном, по возне с Селией, по скитаниям вдоль берегов озера Безмолвия в компании Чумаза...

Но компас направлял его вовсе не домой. В конце концов его стрелка привела Арама ко второму осколку кристалла, чуть более крупному ее собрату. И чем ближе находился компас к новому осколку, тем больше... как бы сказать... оживал. Вначале стрелка начала светиться,

а стоило Араму оказаться недалеко от осколка, компас буквально устремился вперед сам по себе, сорвавшись с цепочки и полетев по воздуху к своему родичу.

Арам знал: эти осколки – частицы Света. Того самого Света, который он видел и слышал во сне. Того самого Света, который ему каким-то неведомым образом предстояло спасти.

– Еще один сон? – спросила Макаса.

Не в силах проронить ни слова, не в силах даже выпустить компас из рук, Арам кивнул.

– О том самом Свете? – уточнила Макаса.

Наконец-то прекратив вертеть компас в руках, Арам сглотнул и обрел дар речи.

– Ага, – сказал он. – Но не только о Свете. Там был и он.

– Кто? Твой отец?

– Нет. Малус.

При одном упоминании этого имени лицо Макасы исказилось от ярости, но она ничего не сказала.

– Теперь я знаю, зачем ему так нужен этот компас, – продолжал Арам. – Он не хочет, чтобы я – или кто-то другой – спас Свет.

По сути, это было именно так. Но не таков был Малус, чтоб этим и ограничиться.

Глава третья. Элита Гордока

В эту самую минуту Забытый Город, твердыня огров Гордунни, был озарен множеством факелов: капитан Малус отправлял свои изрядно увеличившиеся силы в погоню за Арамом.

Убив в поединке короля огров Гордока, человек Малус провозгласил себя новым Гордоком, сделался единовластным правителем всех огров и тут же призвал новых подданных на службу своему делу.

Надзор за полной и окончательной эвакуацией Забытого Города был вверен огру, пришедшему с Малусом, Троггу из клана Изувеченной Длани. Ему предстояло опустошить каждый каменный дом и каждую хижину и отправить всех до единого – мужчин и женщин, древних старцев и малышей – в глухие дебри: в джунгли Фераласа, в залитый водой каньон Тысячи Игл, в раскаленную пустыню Танарис, на поиски Арама и компаса.

* * *

Трогг выполнил все порученное – ведь Трогг был верен Малусу. В этом не могло быть никаких сомнений. Но Трогг чтит и обычаи своего народа, поэтому знал, что капитан нарушил эти традиции, объявив себя, Малуса, королем. И... Да, Трогг пойдет за Малусом хоть на край Азерота, хоть в зубы самой смерти, что бы это ни были за зубы. Но Трогг поклялся служить Малусу потому, что таков был его, Троггов выбор.

А тут было совсем другое дело.

Потому-то при виде женщин с младенцами за спиной, идущих вместе с детьми прочь из дому, навстречу ночному холоду и долгому походу, в широкой груди Трогга и рождалось чувство: так не годится!

И вот, когда он, Трогг из клана Изувеченной Длани, медленно вкручивал в металлический протез на культе правого запястья наверху палицы, новый Гордок Малус подошел к нему – присмотреть, как Трогг присматривает за ограми. Под топот марширующих мимо огров клана Гордунни Малус сказал:

– Знаю: прошлой ночью мы перебили большую часть их лучших воинов, и все же выбери из тех, что остались, лучших и приведи в тронный зал Гордока. Я буду ждать тебя там.

Да, Трогг послушно кивнул, но неловкость – и даже осуждение – на лице Трогга не разглядел бы только слепой.

Тогда Малус хлопнул Трогга по плечу и сказал:

– Когда мальчишка – или, по крайней мере, компас – будет у нас, все это кончится. Я передам корону Гордока любому огру, которого выберешь ты, Трогг. И Гордунни вернутся в Забытый Город.

Трогг поразмыслил над этим, медленно вкручивая предложение капитана в свой, Троггов, мозг. Наконец он снова кивнул, вполне удовлетворившись услышанным. Пока что. На время.

Малус поспешил отвернуться, пока Трогг не заметил в глазах своего капитана презрения. Верность Трогга Воистину Тупого следовало ценить и беречь, так как из всех Сокрытых по-настоящему верен Малусу был только он. Посему держаться с этим огром разумно, изображая уважение к тому, что он почитал священным, было жертвой не из великих. Вот только порой это не на шутку раздражало, не говоря уж о том, что отвлекало от более важных забот.

Остальные Сокрытые уже собрались перед огромным каменным тронном старого короля – и следопыт Затра, и мечник Уолдрид, и волшебник Ссарбик. Первые двое были наемниками, и верность их не простиралась дальше Малусова кошелька. В последнем же верности не было

вовсе – по крайней мере, верности Малусу. Служа тому же хозяину, что и Малус, Ссарбик редко мог вытерпеть хоть пять минут, не высказав презрения к стилю и содержанию его приказов.

– Тш-ш-шего ты надееш-ш-шься достичь при помощи этих безмоз-з-зглых огров? – прошипел Ссарбик сквозь стиснутый клюв.

Что ж, этот вопрос Малусу уже задавали. Смерив сутулого, птицеподобного араккоа тяжелым взглядом, он вновь проворчал в ответ:

– Мы знаем, что мальчишка направляется в Прибамбасск.

– Ты не можеш-ш-шь з-знать этого. Это лиш-ш-шь твое предполож-жение!

– А ты, по-видимому, предполагаешь нечто иное? – спросил Уолдрид.

Его свистящий шепот вырвался из-под капюшона плаща, словно песок, поднятый в воздух ветром пустыни. Вслед за шепотом из-под капюшона вырвалась наружу волна резкого аромата жасминовой воды, маскировавшего вонь гниющей плоти. Барон Рейгол Уолдрид был одним из Отрекшихся, нежитью, поднятой из могилы темной магией и вновь обретшей разум и свободу воли благодаря дальнейшему колдовству.

В заданном шепотом вопросе чувствовалась неприкрытая насмешка. Барон не питал к араккоа ни малейшего уважения, но его поддержке Малус был вовсе не рад. Страшнейшим своим врагом Уолдрид почитал скуку, и Малус не сомневался: ради того, чтобы нарушить монотонность посмертного существования, его неупокоенный мечник сделает все. Сеять раздоры среди Сокрытых – о, это было одной из его любимых забав, и, подобно моральным принципам Трогга и неповиновению Ссарбика, только лишний раз отвлекало Малуса от дел.

Поэтому капитан не стал дожидаться ответа сконфуженного, замявшегося Ссарбика. Увидев Трогга, вошедшего в зал в сопровождении еще полудюжины огров, Малус продолжал:

– Таким образом, мы знаем, куда направляется этот ребенок, но не можем сказать, каким путем.

И, разослав Гордунни по трем областям, снизим риск упустить его.

– А если огры схватить мальчишка? Или если мы изловить его? – спросила Затра, мускулистая, оранжевокожая женщина-тролль из клана Песчаной Бури.

Заполучив в руки новую дубинку против капитана, Ссарбик тут же оживился:

– Тогда наш-ш бес-с-страш-шный капитан найдет новый повод пош-ш-щадить его!

– Нет, – холодно, безжалостно бросил в ответ Малус. – Я дал Арамару Торну все шансы отдать компас и уйти живым. Но он столь же упрям, как его дурень-отец, и сам сделал выбор. Так что я умываю руки. Огры уже знают, теперь скажу и для вас. Отыщите мальчишку. Сделайте все, что потребуется. Но принесите мне компас.

Похоже, троллиха осталась довольна его ответом. Она погладила свою кирасу. В ответ та задрожала и защелкала, заставив пару огров-новичков в страхе отпрянуть назад. Малус мрачно улыбнулся. Он-то знал, что живой доспех Затры – на самом деле самка скорпида почти метровой длины по имени Быстролапка, с которой троллиха обращалась, как с любимым домашним питомцем.

– Быть рада слышать, человек. Я накормить свой лоа кровь этот мальчишка. Мальчишка и его друзья быть добрая еда для боги. Может, немножко остаться и нам с Быстролапка.

С этими словами Затра плотоядно облизнулась. Но Малус оставил ее жажду крови без внимания. Слушая Затру, он приглядывался к ограм, отобранным Троггом. Одна из них, потрясающего вида воительница двух с лишним метров ростом, с пепельно-синей кожей, шагнула вперед, небрежно опустив руку на рукоять палаша.

– Это Каррга, – сказал Трогг, кивнув на нее. – У Каррги есть...

Он замаялся, подыскивая нужное слово.

– Информация, – подсказала Каррга.

– Да. Верно.

Эта воительница уже нравилась Малусу. «Первое же сказанное слово – и из целых пяти слогов! Должно быть, по меркам огров она просто гениальна!»

Слегка склонив голову, Каррга заговорила:

– Новый Гордок знает: старый Гордок любил свою забаву. – Судя по тону, никаких теплых чувств к старому королю она не питала. – Забава означала, что требуются рабы – драться на арене, и старый Гордок послал воинов за новыми рабами. Послал Вордока на запад. Послал Марджака на восток. Вордок вернулся с твоим мальчишкой.

– Это не мой мальчишка, – с легким недовольством возразил Малус.

В ответ на его реплику Каррга только пожала плечами.

– Прошлой ночью друзья мальчишки убили Вордока. Но Марджак еще не возвращался. Марджак – большой вонючий огр. Не станет служить Гордоку-человеку.

– Зачем ты говоришь мне это? – спросил Гордок-человек.

Каррга улыбнулась.

– Марджак хочет быть Гордоком. Но Каррга не хочет этого. Марджак убил отца Каррги из-за свиньи. Гордок-человек будет готов – Гордок-человек сможет убить Марджака, верно?

– Верно, – согласился Малус. Похоже, оба они прекрасно поняли друг друга. – Вот только этой ночью ты сама отправишься на восток с Троггом из клана Изувеченной Длани. Ваш путь может пересечься с путем Марджака прежде, чем его путь пересечется с моим. Поэтому я даю тебе свое королевское позволение: ты можешь убить Марджака сама.

Слегка нахмурившись, Каррга немного, этак на ладонь, вытянула клинок палаша – весьма необычного оружия для огра – из ножен.

– Каррга может убить Марджака. Или Марджак может убить Карргу. Каррга не боится. Но Каррга не уверена.

С этими словами она вернула палаш на место.

«Достаточно смыслена, чтоб не переоценивать своих возможностей...»

Трогг как-то скованно шагнул вперед и объявил:

– Трогг из клана Изувеченной Длани убьет Марджака. Трогг уверен.

Каррга бросила взгляд на нового короля, ожидая подтверждения. Малус кивнул и с изумленным любопытством покосился на Трогга. «Что это? Трогг – и... рыцарство?»

Судя по всему, Каррга осталась довольна.

– Трогг убьет Марджака. Теперь Каррга уверена.

Трогг расплылся в глупой – заметно глупее обычного – улыбке и, чтобы скрыть ее, принялся чесать рог, торчавший посреди его лба, одним из шипов палицы. Только теперь Малус осознал, что Каррге вполне по силам вить из Трогга веревки толщиной со свою не столь уж маленькую руку. Однако Малусу она понравилась. Она была умна, а значит, могла оказаться полезной. Плюс, если Трогг убьет ее кровного врага под знаменем нового Гордока, это упро-

чит ее верность и Троггу, и Малусу. И все же за ней придется присматривать. Грань между полезностью и опасностью так тонка...

С этой мыслью Малус повернулся к пятерым остальным новичкам. Трогг представил и их. Правду сказать, нового Гордока совершенно не интересовали имена подданных, но он был достаточно практичен, чтобы изобразить интерес.

Двух совершенно одинаковых близнецов ростом почти два с половиной метра Трогг назвал Ро'куллом и Ро'джаком. Оба отличались кирпично-красной кожей и были вооружены одинаковыми массивными боевыми топорами.

Следующим был Короткая Борода и Длинная Борода, двуглавый огр с персиковой в крапинку кожей. Обе головы его были лысы, украшены толстым рогом посреди лба и белыми бородами, согласно длине каждой из которых и получили свои прозвища. Длинная Борода – то есть, правая голова – имел также и длинную шею и возвышался над землей почти на три метра. Короткая Борода, голова слева, была на ладонь ниже. Этот (или эти) был вооружен двумя железными палицами – по одной в каждой руке.

Четвертый, розовокожий Слепгар, был настоящим гигантом – горой мускулов более трех с половиной метров в высоту. Нянча невероятных размеров боевую дубину, он широко зевал, будто приказ Малуса застал его в постели.

Последним был Гуз'лук, пожилой пузатый огр с темно-серой кожей, с круглым щекастым лицом и отвисшим двойным подбородком. По сравнению с остальными, ростом он был невысоок и не дотягивал даже до двух метров. На поясе у него висел бараний рог, а в руке он держал моргенштерн, в котором Малус тут же узнал оружие покойного Гордока. Очевидно, пузан подобрал его на арене после того, как Малус обезоружил своего предшественника, а затем и прикончил его этим же самым моргенштерном. Пусть так, ничего страшного. Ведь и сам Малус оставил себе длинный кривой кинжал Гордока. Зачем же хорошему оружию пропадать даром?

Малус понимал, что при стремительном покорении Гордунни Сокрытые были вынуждены убить большую часть лучших воинов Гордока, однако те, кого привел Трогг, произвели на него немалое впечатление. Конечно, все это были огры, тупые, как и сам Трогг (возможно, за исключением Каррги), однако в качестве воинов – или, при надобности, пушечного мяса – они вполне могли пригодиться.

– Мальчишка, – заговорил Малус, обращаясь ко всем – и к Гордунни, и к Сокрытым – странствует в компании гнолла, мурлока и человеческой женщины.

– Человеческой женщины, весьма искусной в бою, – прошелестел Уолдрид.

Малус согласно кивнул. Ему вовсе не хотелось, чтобы огры недооценивали союзников Торна.

– К тому же, с ними может быть ночной эльф, оборотень. А может, даже виверна. Все вместе они могут оказаться достойными противниками для остальных охотничьих отрядов Гордунни. Но вы – мои отборные воины. Моя элита! Вы отыщете мальчишку и, кто бы ни встал на его защиту, принесете мне компас, который он носит на шее. Ступайте на юго-восток и отправляйтесь в Прибамбасск. Так или иначе, там мы и встретимся.

Восемь огров дружно кивнули головами. Троллиха тоже кивнула, рассеянно поглаживая Быстролапку. Движения головы Уолдрида было не разглядеть из-за капюшона. Что же до арак-коа, тот только буркнул что-то неразборчивое.

– Затра, за старшего остаешься ты.

– Да, человек.

– З-затра? З-затра?! – закрипел Ссарбик. – Почему это за с-с-старш-шего она?!

– Потому, что мы с тобой пойдем в Прибамбасск на «Неотвратимом». Торн-младший намного опережает нас, и, может быть, все еще летит верхом на виверне. Если он улизнет от охотников и доберется до Прибамбасска, я хочу дождаться его там... и встретить, как подобает. Открывай портал.

Наконец-то араккоа улыбнулся.

– Портал на корабль поведет нас-с-с через З-запределье, – зашипел он, почти не скрывая восторга. – А ес-с-сли мы пройдем через З-запределье, хоз-з-зяин з-захочет получить отчет. И даж-же потребует отчета.

– Зачем тратить слова на то, что я и без тебя знаю? – резко оборвал его Малус. – Открывай портал.

Ссарбик радостно закивал и затянул нараспев:

– Мы – С-сокрытые, с-странники Тени. С-служим хозяину и покорим. Ч-ш-што покорим – огню предадим. Горите, преграды на пути к хоз-зяину! Горите по воле хоз-зяина. Горите перед С-сокрытыми. Горите. Горите.

Сам воздух перед араккоа вспыхнул темным пламенем. Огры и троллиха попятились назад. Кираса Затры встрепенулась и поспешила переползти через ее плечо на спину. Не отступили лишь Уолдрид, Ссарбик и Малус. Но Малус прекрасно чувствовал взятую взаймы силу Ссарбика, и, хотя волосы на его руках встали дыбом, новый король огров не проявил ни малейшей слабости или трепета – ни перед лицом магии Ссарбика, ни в ожидании встречи с его «хоз-зяином». Ни один мускул не дрогнул на его лице.

Языки пламени в воздухе быстро слились в черно-багровый овал – портал как раз такой высоты, чтоб Малус мог пройти сквозь него, чуть-чуть склонив голову.

Потирая покрытые перьями руки, Ссарбик проковылял сквозь таинственные врата и исчез в черном овале. Длинная Борода вытянул шею, ожидая увидеть араккоа выходящим с другой стороны. Но Ссарбик не вышел наружу. Он просто шагнул в портал и пропал.

Малус шагнул вперед вслед за Ссарбиком. Мгновение спустя портал съезжился и угас. Волшебник и король огров ушли.

Глава четвертая. Подсчеты

С рассветом Арам, Макаса, Мурчаль и Клок свернули лагерь и занялись ревизией припасов и прочего имущества. Вернее, только прочего имущества. Припасов у них не имелось вовсе.

Клоку ревизовать было почти нечего: все его имущество составляла большая дубина из железного дерева с тремя-четырьмя гвоздями, позаимствованная у жестокого Вордока после того, как Макаса ранила этого громилу и предоставила Клоку возможность покончить с ним. Учитывая отношения, сложившиеся у Клока с этим огром, можно представить, насколько глубокое удовлетворение чувствовал в этот момент юный гнолл. Дубина Вордока была для Клока не просто дубиной, а боевым трофеем. Да, для гнолла-подростка чуток великовата, чуток тяжеловата, однако Клок уже так раздался в плечах, что сомнений быть не могло: вскоре оружие будет ему по руке.

Что касается Мурчаля, у него не было вообще ничего. Он только снова и снова оглядывал лагерь и бормотал:

– Нк мгrrrrрл, нк мгrrrrрл...

Теперь Арам понял, что это значит. Чтобы спутать и задержать Уолдрида-Шепчущего во время бегства из Забытого Города, Мурчаль пожертвовал своей рыболовной сетью. А Талисс когда-то рассказывал, что рыболовная сеть – самое ценное, что только может быть у мурлока. Кроме сетей, у Мурчаля не было ничего, и эта утрата расстроила его до глубины души.

У Макасы имелся щит, цепь, абордажная сабля, секира, две золотые монеты, фляга Талисса и непреходящая тоска по своему гарпуну. Она обшаривала взглядом лагерь почти так же, как Мурчаль, будто надеясь каким-то чудом отыскать на земле то, чего здесь никогда не было. Правду сказать, Арам ничуть не удивился бы, услышав, как она, вслед за Мурчалем, тихонько бормочет: «Нк гарпун, нк гарпун...»

А вот Араму, в отличие от спутников, нужно было проверить куда больше. В первую очередь – цепочку с компасом на шее. Накануне застежка цепочки сломалась и починена была лишь наскоро, поэтому прежде всего Арам убедился, что она держится.

Затем он надел сапоги и, так как день уже становился жарковатым, повязал вокруг пояса свитер матери и отцовский плащ. Полотняная рубашка была изорвана со спины и рассечена на груди, но карман ее уцелел, и за сохранность угольного карандаша внутри можно было не опасаться.

В четырех карманах бриджей хранились еще две золотые монеты, завернутый в непромокаемую ткань блокнот, завернутые в непромокаемую ткань кремни и три непромокаемые карты. На поясе висела выщербленная абордажная сабля, вынутая из мертвой руки предателя и пирата.

Еще к поясу был надежно привязан лиловый кожаный мешочек. Внутри лежал недавно найденный осколок кристалла и завернутый в непромокаемую ткань желудь величиной с кулак. Этот последний был «Семенем Талисса», при помощи которого ночной эльф на глазах Арама выращивал все, что угодно, от вкусных овощей на ужин до огромного дуба. Прощаясь с жизнью, друид взял с Арама и остальных слово доставить Семя в Прибамбасск и в целости и сохранности передать его соплеменнице, друиду-хранительнице по имени Фейрин Весенняя Песнь. Высказав эту просьбу, он испустил последний вздох вместе с последним напутствием: «Семя... Берегите его... от влаги». Арам не понимал, отчего это так важно, но был полон решимости сохранить желудь целым, невредимым и сухим – хотя бы затем, чтобы выполнить предсмертное желание друга.

Развернув непромокаемую карту Калимдора, Арам присел над ней, чтобы посоветоваться с Макасой. После некоторых раздумий она сочла, что, следуя вдоль берега затоплен-

ного во время Катаклизма каньона Тысячи Игл, их небольшой отряд достигнет Прибамбасска недели за две. А если они каким-то образом ухитрятся переправиться через каньон по воде, то и быстрее.

Арам поднялся, свернул карту, спрятал ее в карман и еще раз посмотрел на компас. Кристалльная стрелка все так же указывала на юго-восток, в сторону Прибамбасска, хотя, возможно, это было простой случайностью. Теперь-то Арам знал, что компас указывает путь к следующему осколку кристалла. Но отчего бы следующему осколку не оказаться в Прибамбасске (или, возможно, где-нибудь по пути туда)?

Так или иначе, их курс был ясен.

– Он все еще показывает на юго-восток, в сторону Прибамбасска, – сказала Макаса, взглянув на компас через плечо Арама.

– Угу, – откликнулся мальчик, вновь пряча компас под рубашкой, на тощей груди.

– Значит, на юго-восток, куда повел бы нас капитан Торн, – заключила Макаса, словно ее капитан, их отец, все еще был жив и отдал приказ идти, куда указывает компас, каких-то полчаса назад.

– На юго-восток, – сказал и Клок.

– Мргле, мргле, – согласился Мурчаль.

И они двинулись в путь.

В дороге вдоль границы Фераласа с Тысячей Игл – джунгли с одной стороны, затопленный каньон с другой – Араму очень хотелось думать, что этот курс ведет прямо домой, в родное Приозерье. Однако, судя по всему, что произошло с ним за последние семь месяцев, вновь увидеть свой дом ему предстояло не скоро.

В этом доме он прожил, вряд ли хоть раз отойдя от него дальше, чем на три километра, первые двенадцать лет жизни. И первые шесть из них, в покое и уюте проведенные с матерью, Сейей, и отцом, Грейдоном Торном, были сплошной идиллией. Но вот однажды утром, в тот самый день, когда Арамари исполнилось шесть, отец оставил их маленькую семью, чтобы вернуться в море. Шли годы, а от него не было ни единой весточки. Не один год прошел, прежде чем Арам смог поверить, что отец действительно бросил их по собственной воле, а вовсе не был похищен злыми орками или мурлоками. Не один год прошел, прежде чем Сейя Нордбрук-Торн перестала ждать мужа и вышла замуж за мягкого и доброго кузнеца Робба Глэйда.

Робб переехал в их дом и даже выстроил рядом новую кузницу, чтобы не ломать жизнь Арама переездом в такую даль – на соседнюю улицу! (Таким уж Робб был человеком: если речь шла о нуждах семьи, его собственные удобства не значили для него ничего.) Но в то время Арам совершенно не оценил его жеста. Дородный, вечно испачканный золой и сажей, кузнец казался ему непрошеным гостем, бросившим между ним и матерью – а если уж быть до конца откровенным, между ним, матерью и напрасной надеждой на то, что однажды капитан Торн вернется домой из лазурных морей – огромную, мрачную тень.

Спустя девять месяцев родился его младший брат, Робертсон, и Арам пришел к убеждению, что вскоре его выставят на улицу. В конце концов, разве не так поступают все злые отчимы? Однако Робб все это время был образцом терпения, неизменно внимательным к Араму – неважно, готов ли тот был к его вниманию, или нет. В конце концов плечистому кузнецу с сильными руками и доброй душой удалось покорить сердце Арама, и к тому времени, как родилась его младшая сестренка Селия, все пятеро – вернее, шестеро, считая и угольно-черного пса Чумаза – стали вполне счастливой и дружной семьей.

И все же Арам мечтал когда-нибудь отыскать отца и отправиться вместе с ним навстречу великим приключениям в дальних морях! Но вместо этого день за днем рисовал, помогал Роббу в кузнице и мало-помалу привык к спокойной, размеренной жизни.

Но вот однажды – месяца не прошло со дня Арамова двенадцатилетия – его мечты стали явью, и это ему вовсе не понравилось. Грейдон, даже не попытавшись объяснить или попросить прощения, вернулся, чтобы забрать его с собой в море. Все мечты (в те редкие моменты, когда Арам вообще вспоминал о них) тут же начали казаться ему полной глупостью. Он, Арам-мар Торн, любил Приозерье, любил свою семью и не считал себя хоть чем-то обязанным брошившему его человеку, и отправиться с отцом отказался наотрез.

Но Сейя с Роббом приняли сторону Грейдона!

Они настояли на том, чтобы Арам провел год на борту отцовского корабля в качестве юнги. У матери нашлось на это множество всевозможных причин.

– Тебе нужно лучше узнать отца, понять его, посмотреть мир... Познакомиться с той частью своей души, в которой ты так похож на Грейдона Торна... Снова раскрыть перед ним свое сердце... Познать его, чтобы познать самого себя...

Ничуть не убежденный все этим, Арам твердо решил провести год на «Волноходе», день ото дня доказывая родителям – всем троим – как жестоко они ошиблись. И первые полгода плавания (теперь-то это было ясно) вел себя, как избалованный дерзкий щенок, постоянно воюя и с капитаном Грейдоном Торном, и со вторым помощником Макасой Флинтвилл, и с собственными детскими фантазиями. Да, были в команде и те, к кому он проникся симпатией: первый помощник капитана, веселый и сильный дворф Дурган Однобог, на которого Арам лишь изредка мог взглянуть без улыбки; прекрасная и ловкая впередсмотрящая «Волнохода», пятнадцатилетняя Дуань Фэнь, на которую он лишь изредка мог взглянуть без улыбки совсем другого сорта...

Но чаще всего Арам противился желанию улыбнуться. Противился он и прощальным напутствиям Робба с Сейей, и множеству наставлений, которые пытался преподать ему Грейдон. (По крайней мере, в то время он в этом не сомневался. Однако теперь обнаружилось, что многое из отцовских рассказов каким-то образом запало в память, несмотря на все Арамовы старания выкинуть все это из головы.) Он остро чувствовал, что все попытки Грейдона исполнить родительский долг слишком уж жалки, слишком запоздалы.

Теперь же острее всего он чувствовал сожаление. Как он сейчас тосковал по всему тому, чего не ценил раньше! По запахам моря, по звону судового колокола «Волнохода», по элегантным угловатым линиям его носовой фигуры... Он тосковал и скорбел почти по каждому члену команды. Не по одним лишь Однобогу и Дуань Фэнь, но и по третьему помощнику Молчуну Джо Баркеру, по помощнику кока Кильвателю Уотту, по рулевому Тому Фрейксу и по всем остальным. При одной мысли о любом из них он едва мог сдержать слезы.

Да, о любом. Кроме Старины Кобба.

Дело в том, что у Грейдона имелся секрет. Он-то и послужил для него причиной вначале оставить семью в Приозерье, а затем взять в плавание сына. Все его тренировки, все наставления были подчинены одной цели – подготовить Арама. Подготовить к чему-то (как теперь понял Арам), связанному с компасом, осколками кристалла и Светом-Который-Нужно-Спаси. Но время его истекло прежде, чем Грейдон успел все объяснить.

Корабельный кок Джонас Кобб предал своего капитана, свой корабль и своих товарищей. Позарившись на деньги, он выдал тайну маршрута «Волнохода» Уолдриду, Малусу и прочим пиратам, стремившимся заполучить компас. Настигнутый кораблем Малуса, «Волноход» был взят на abordаж. На глазах Арама ужасная смерть постигла Кили, Тома и многих других. На его глазах огр по имени Трогг срубил грот-мачту «Волнохода». (Единственным утешением могло послужить лишь то, что рухнувшая мачта раздавила в лепешку предателя Кобба за миг до того, как он успел проткнуть Арама насквозь. Сказать по правде, это его злодейская сабля сейчас висела у Арама на поясе.) На глазах мальчика отцовский корабль был охвачен огнем, вскоре добравшимся до запасов пороха в пороховом погребе.

В последние секунды Грейдон посадил Арама в единственную корабельную шлюпку, отдал сыну свой плащ и компас и, напомнив Макасе, что она обязана ему жизнью и пришло время вернуть долг, приказал ей отправляться с мальчиком и защищать его.

– На кону – намного больше, чем вы оба можете вообразить, – прибавил он напоследок.

Шлюпка упала на воду, и штормовые волны быстро унесли ее прочь от горящего корабля и от пиратов. Судьбы Грейдона, Однобога, Дуань Фэнь и прочих остались в руках богов. (Позднее Уолдрид признался, что боги не сжалились над ними. «Твой отец?.. – прошептал он. – Боюсь, ты никогда больше не встретишься с ним на этом свете, мой мальчик».)

Арама с Макасой вынесло на берег Фераласа. Казалось, компас, что, по словам Грейдона, должен был привести Арама куда нужно, указывает прямо в сторону Приозерья. А также – в сторону Прибамбасска, где Арам, без сомнений, смог бы купить место на корабле и добраться до дома. Он убедил Макасу отвести его туда, и она согласилась – в основном, с тем, чтоб поскорее отделаться от него. Но по пути оба – и Арам, и Макаса – поняли, как много меж ними общего, и словно бы на самом деле стали детьми Грейдона. Дома Арам рос старшим из троих детей, а Макаса – младшей из четверых, но она стала ему старшей сестрой во всех возможных смыслах, за исключением кровного родства.

В пути они случайно повстречались с Мурчалем и Талиссом. Впрочем, гипотеза Талисса насчет случайности их встречи гласила: «Уж так устроена природа: все имеет свой путь и движется вперед, следуя ему. Подобно тому, как течет река в русле, подобно стебельку, пробивающемуся сквозь землю наверх, на пути к солнцу. Думаешь, для существ, подобных нам, четверым путникам, все устроено иначе?» Так или иначе, мурлок и ночной эльф стали их спутниками, что поначалу не на шутку раздосадовало Макасу.

Но тут на их пути вновь появился Малус со своими приспешниками. Похитив Мурчаль, они предложили вернуть мурлока в обмен на компас. Прежде, чем Арам успел согласиться или отказаться, они с Талиссом оказались в плену у огров из клана Гордунни. Их отвели в Забытый Город, и там Арам был вынужден на потеху Гордоку драться на арене с Клоком. Но вместо того, чтоб убивать друг друга, мальчик и юный гнолл заключили союз. И когда на арену, чтобы забрать компас, явился Малус с Мурчалем, Арам с друзьями, воспользовавшись его поединком с Гордоком, освободили всех рабов короля огров и бежали.

Но бегство обошлось им дорого.

Троллиха Малуса выпустила в спину Араму два арбалетных болта. Талисс помешал ей, прикрыв мальчика собой, и был смертельно ранен.

Он умер в ту же ночь, но даже в последние минуты жизни не прекратил попыток исцелить душевные раны Арама.

– Твой путь – широкая дорога, – сказал он. – Она привлечет к себе... множество душ. Для меня честь... быть первым.

Теперь, следуя за Макасой плечом к плечу с Клоком и Мурчалем, Арам чувствовал, что слова ночного эльфа очень похожи на правду. Он знал Мурчаль меньше недели, а Клока – и вовсе меньше двух дней, однако уже считал обоих верными друзьями. Как же он будет скучать по ним, когда, наконец, придет время расстаться и вернуться в Приозерье...

Утро сменилось днем; солнце, перевалив за полдень, начало клониться к закату, пронзая лучами высокие заросли джунглей, а Арам все думал и думал, вспоминая недавнее прошлое и отчаянно тоскуя по дому – особенно, благодаря урчанию в животе, по стряпне матери.

Погруженный в размышления, Арам не замечал растущей тревоги, с которой Клок всматривался в окрестные заросли. Но Макаса оказалась куда прозорливее. Она почувствовала – практически почуяла – страх, волнами накатывавший сзади, и оглянулась через плечо, ожидая

увидеть встревоженного Арама. Но нет, взгляд брата был устремлен куда-то внутрь, а Мурчаль, встретившись с ней взглядом, радостно заулыбался.

Видя все это, Макаса оглянулась через другое плечо на Клока, и по его выражению лица тут же поняла, откуда взялся этот страх. Тот нижний клык, что торчал наружу, даже когда Клок держал пасть закрытой, непрестанно покусывал верхнюю губу. Голова гнолла повернулась влево, затем вправо; взгляд беспокойно заметался из стороны в сторону, обшаривая заросли.

Внезапно впереди, между деревьями, стоявшими плотной стеной, показалась широкая дорога. Ее предстояло пересечь, и Макаса замедлила шаг, поравнявшись с остальными. На ходу Клок перекинул боевую дубину с левого плеча на правое. А потом – назад. А потом – обратно. И принимался на каждом шагу. И, когда из его горла помимо его собственной воли вырвался тихий рык, Макаса схватила юного гнолла за плечо и развернула лицом к себе.

– Что? – спросила она.

Арам с Мурчалем остановились. Клок вновь зарычал.

– Макаса?.. – недоуменно начал Арам.

– Этого гнолла что-то тревожит, – тихим, под стать рыку Клока, голосом ответила она, глядя в глаза гнолла.

– Клок, что с тобой? – спросил Арам. – Что стряслось?

Клок не отвечал. Но Макаса видела, как тревожно мечется из стороны в сторону его взгляд. Вот он еще раз потянул носом воздух...

– Ты знаешь эти места, – заключила она.

Это было, скорее, обвинением, чем вопросом.

– Сестренка, оставь его в покое, – сказал Арам.

Макаса тут же поняла: Арам назвал ее «сестренкой» с тем, чтобы повлиять на нее. Это ее разозлило – подобные хитрости казались оскорблением, принижали ценность их искренней преданности друг другу. Но вспомнилось ей и то, как она сама прибегала к тому же трюку и называла Акашину «братиком», когда хотела, чтобы он покатал ее на плечах. Правда, Арам был уже великоват, чтоб прибегать к подобным уловкам, пусть даже бессознательно, однако воспоминания об одном брате поумерили злость на другого, и она просто оставила слова Арама без внимания.

– Ты знаешь эти места, – повторила она, не сводя взгляда с Клока.

Тот коротко кивнул, но продолжал молчать.

– Лок флллур ммррглллммм? – спросил Мурчаль.

Вопрос мурлока остался без ответа. Теперь и Арам не сводил глаз с гнолла.

– Здесь твоя родина? – спросила Макаса.

– И правда, – вторил ей Арам. – Это – земли стаи Древолапов?

Клок рассеянно кивнул. Затем яростно замотал головой. Затем тяжело вздохнул.

– Да что ж мне, за язык тебя тянуть?! – рявкнула на него Макаса. – Говори, гнолл! Твое молчание доведет нас всех до беды.

Клок печально кивнул, что-то проворчал самому себе и, наконец, обрел дар речи.

– Нет, земли Древолапов не здесь. Но здесь теперь живут Древолапы. Гордунни вытеснили Древолапов сюда. На восток. Там, на западе, огры срубили деревья Древолапов. Распутили дичь Древолапов. Увели гноллов в рабство. Поэтому Древолапы пришли сюда.

– Но ты же теперь свободен! – воскликнул Арам. – И можешь вернуться к своим.

– Нет, – сердито огрызнулся гнолл.

Арам раскрыл было рот, но в тоне Клока чувствовалось что-то знакомое, и Макаса опустила руку на плечо брата, заставив его замолчать. И сама не проронила ни слова – только огляделась, как Клок, в поисках возможной опасности.

И наконец гнолл поведал друзьям свою историю...

Глава пятая. Недомерок

Клок был щенком. Клок уже не щенок! Но был щенком там, в землях Древолапов. Не так уж давно.

Тогда в землях Древолапов было хорошо. Много дичи. Вепри. Много вепрей. Олени. Порой даже медведи. Много дичи. Так много, что с гноллами жили и гиены. Не просто ходили следом и подбирали объедки, но жили с гноллами. Охотились с гноллами. Делили с гноллами лагерь.

Потом гиены ушли. Клок задумался: куда девались гиены? Клок был щенок, но Клок задумался. А матриарху Салозуб и дела нет. Громиле Древолапов Когтю и дела нет!

– Что нам гиены? Хорошо, что гиен нет, – сказал Коготь. – Гноллам не надо делить с гиенами еду Древолапов.

Но гноллам стоило бы догадаться...

Клок ходил по лесу – густому-густому. Не так уж давно. Лес Клоку нравился. Прохладно в жаркий день. Ручьи текут. Клок пьет. Белки скачут. Клок ест. Деревья бросают тень. Клок спит. Легко жилось щенку!

Но Клок и тренировался! Отец Клока, Долгоморд, и мать, Грызть, были великими воинами для Салозуб и для Когтя. Грызть с Когтем родились в одном помете и были близкими друзьями. Грызть растила из щенков воинов. Тренировала Клока. Тренировала Джаггала, сына Салозуб. Джаггал старше Клока. Джаггал больше Клока. Но Джаггал и Клок – хорошие друзья. Да, дружба Джаггала с Клоком была крепкой. Не так уж давно.

Но вот пропали гиены. Потом пропали деревья. Не все. Но много. А потом еще и еще больше. Гноллам стоило бы догадаться...

Но гноллы сказали: виноваты йети. Салозуб сказала: виноваты йети. Потому и Коготь сказал: виноваты йети. И Долгоморд сказал: виноваты йети. И Грызть сказала: виноваты йети. И Джаггал сказал: виноваты йети.

Клок этого не видел. Йети валят деревья. Да, иногда йети толкают и валят деревья. Но все больше и больше деревьев оказывались срублены. Топором.

Клок и говорит:

– Это не йети.

– Тогда кто? – говорит Джаггал.

Клок не знал, кто. Но не йети.

– Салозуб говорит: йети, – говорит Джаггал.

– Салозуб говорит: йети, – говорит Долгоморд.

А Грызть молчит.

А Клок и говорит:

– Салозуб неправа.

Тогда Джаггал ударил Клока. Сильно. Клок – мал, щенок. Кровь из пасти. И отлетел назад. И – затылком о стену логова. Кровь из затылка. Много. Тогда Клок замолчал.

А йети двинулись на восток, в земли Древолапов. Потом напали. Свирепый Утес – громила йети. Йети не зовут его громилой. Йети вовсе не говорят. Но для йети Свирепый Утес – все равно, что громила. И все равно, что матриарх. Только не матриарх. Свирепый Утес – самец йети. Но Свирепый Утес правит йети, как матриарх Салозуб – Древолапами. И ведет йети в битву, как громила Коготь – Древолапов. Свирепый Утес для йети – разом и матриарх, и громила. Свирепый Утес вел их в бой. Йети напали на стаю Древолапов. Свирепый Утес напал на стаю Древолапов. Несколько гноллов умерли. Трое или четверо гноллов. И один йети. Не Свирепый Утес, нет. Свирепый Утес не умер. Йети двинулись дальше. На восток. Свирепый Утес двинулся дальше. На восток. Только мертвый йети не двинулся. Мертвые йети не двига-

ются. И этот не двинулся дальше. Не двинулся на восток. Мертвый йети стал пищей для гноллов. У йети хорошее мясо. Совсем как медвежатина. А, может, даже лучше.

Салозуб и говорит:

– Видите? Йети рубят деревья. Потом йети нападают. Деревья были началом нападения йети.

И все гноллы с ней согласились.

Клок ничего не сказал. Но покачал головой. Тогда Джаггал снова ударил Клока. А Долгоморд и Коготь на это кивнули. Долгоморд и Коготь думали: правильно Джаггал ударил Клока.

Грызь промолчала. Но потом Грызь поговорила с Когтем. Коготь пошел с Грызью. И Клок тайком последовал за ними. И видел: Грызь показала Когтю дерево. Повалено набок, корни выворочены из земли.

Вот Грызь и говорит:

– Йети толкнул и повалил дерево.

А Коготь кивнул и говорит:

– Салозуб права.

Тогда Грызь показала Когтю другое дерево. Клок следил и видел. Грызь показала Когтю другое дерево, но дерева там не было. Только пень. Низкий. Ниже Клока, а Клок был еще щенком.

– Пень, – говорит Грызь. – Корней нет. Ствола нет. Только пень. И смотри. Дерево срублено топором. Свирепый Утес не рубит топором. Свирепый Утес не уносит деревьев с собой. Пень – это сделали не йети.

– Тогда кто? – спрашивает Коготь.

– Грызь не знает, – говорит Грызь. – Но Клок прав. Салозуб неправ.

Тогда Коготь ударил Грызь. Но не сильно. Даже не до крови. Коготь поглядел на пень. Коготь задумался над пнем.

– Салозуб права, – сказал Коготь.

Но все-таки Коготь задумался над пнем.

На следующий день Коготь пошел в лес с Салозуб. Коготь говорил с Салозуб. Может быть, Коготь показал Салозуб деревья – одно и другое. Этого Клок не узнал.

Коготь с Салозуб не вернулись. Не вернулись никогда. Джаггал был очень зол. Джаггал сказал:

– Йети убили Салозуб! Свирепый Утес убил Салозуб!

А Клок и говорит:

– Йети пошли на восток. Свирепый Утес пошел на восток. Свирепого Утеса здесь нет. Йети здесь нет.

На этот раз Джаггал не ударил Клока. Джаггал схватил Клока за горло. Джаггал, не так уж давно – друг, и схватил Клока за горло! Так Джаггал отделился от Клока. Джаггал больше не друг Клоку.

Матриархом Древолапов стала Грызь. Громилой Древолапов стал Долгоморд. Пропали еще деревья. Тени нет. Белок нет. Дичи мало. Гноллам стоило бы догадаться!

Наконец огры напали. Огры Гордунни напали на лагерь Древолапов. Большая неожиданность! Гноллы были не готовы драться с ограми.

Вордок и Марджак у Гордунни – как громилы. Огры не зовут Вордока и Марджака громилами, но Вордок и Марджак, как громилы, повели огров на земли Древолапов, на стаю Древолапов. Долгоморд дрался. Грызь дралась. Джаггал дрался. Джаггал храбр. Джаггал свиреп. Убил огра. И Клок дрался. Клок храбр – для щенка. Но не убил огра. И много гноллов умерли. И только три огра умерли. Джаггал убил огра. Долгоморд убил огра. Грызь убила огра. Но Вордока не убили. Марджака не убили. Вордок и Марджак не умерли. Умерли три других огра. Но гноллы не едят огров. Мясо огров противно на вкус.

И вот огры рубят деревья. Огры охотятся на дичь. Огры, Вордок и Марджак берут гноллов в рабы для Гордока. Все земли Древолапов – одни пни. Деревьев нет. Белок нет. Тени нет. Ручьи пересохли. Дичи нет. Гноллы голодны. Гноллы дерутся с ограми, но гноллы голодны. Много умерло гноллов. Много умерло Древолапов. А огров – всего несколько. Не Вордок. Не Марджак. Несколько других огров.

Матриарх Грызь и говорит:

– Пора уходить. Древолапы должны идти на восток.

Долгоморд кивнул.

Но Джаггал не кивнул.

– Эти земли – земли Древолапов! Древолапы не уйдут!

Матриарх Грызь ударила Джаггала.

– Древолапы пойдут на восток, – сказала она.

И стая Древолапов оставила земли Древолапов. Пошла на восток.

Огры все наступали с запада. Вордок и Марджак все наступали с запада. Йети защищались с востока. Сви́репый Утес защищался с востока. Древолапы оказались между ними.

Матриарх Грызь говорит:

– Пора уходить. Древолапы должны идти на юг.

Долгоморд кивнул.

А Джаггал и говорит:

– Грызь не дерется. Грызь всегда уходит. Грызь боится.

Грызь ударила Джаггала.

– Древолапы пойдут на юг, – сказала она.

И стая Древолапов пошла на юг.

На юге Древолапы нашли новые земли. Не так уж давно. Добрые земли. Деревья. Ручьи. Белки. Тень. Дичь. Только гиен не было. Теперь гиены следовали за ограми.

Древолапы дрались с йети. Дрались с ограми. Но уже не все время.

Прошло много сезонов. Клок вырос. Клок больше не щенок. Не щенок. Не вырос большим, как Джаггал. Не вырос большим, как многие гноллы. Но не щенок.

А Джаггал вырос большой. Джаггал большой, как Долгоморд. Большой, почти как Грызь.

Когда Древолапы дрались, Грызь правила стаей. Когда Древолапы дрались, Долгоморд вел их в бой. Но Джаггал дрался рядом с Долгомордом. А Клок дрался рядом с Грызью. Джаггал убил йети. Джаггал убил огра. Клок не убил йети. И огра не убил. Но Клок дрался. Клок – воин. Не щенок. Клок дрался!

Пришло время большой битвы. Пришли огры. Пришел Вордок. Пришел Марджак. Большая битва! Древолапы дрались. Древолапы дрались с ограми. Много умерло гноллов. Кое-кто из огров тоже умер. Не Вордок, не Марджак, но кое-кто.

В тот день умер Долгоморд. Вордок убил Долгоморда.

Умерла и Грызь. Марджак убил Грызь.

Вордок взял нескольких гноллов в рабство. Марджак взял нескольких гноллов в рабство. К Гордоку. Огры с рабами ушли.

Клоку грустно. Клок теперь воин, и все же ему грустно.

И матриарха нет. Салозуб умерла. Грызь умерла. Ни одна из других самок гноллов не готова стать матриархом.

Громилы тоже нет. Коготь умер. Долгоморд умер. Потому громилой стал Джаггал. Все гноллы согласились, чтоб Джаггал стал громилой. Согласился и Клок.

А Джаггал как напустится на Клока!

– Джаггалу не нужна согласия щенка, – говорит Джаггал. – Древолапам не нужен щенок.

– Клок не щенок! – говорит Клок. А может, и кричит.

Джаггал кивнул:

– Клок не щенок. Клок – недомерок!
Клок молчит. И все гноллы молчат.
Наконец Клок сказал:
– Клок не щенок.
Но сказал это будто бы шепотом.
А Джаггал и говорит:
– Кто говорит: Клок не щенок? Долгоморд говорит: Клок не щенок? Грызь говорит: Клок не щенок?
– Долгоморд умер, – говорит Клок. – И Грызь умерла.
– Гноллы говорят: Клок не щенок? – спрашивает Джаггал.
Гноллы молчат. Древолапы молчат. Даже Клок молчит.
– Недомерок не дерется с йети, – говорит Джаггал. – Недомерок не дерется с ограми. Недомерок не охотится на дичь. Но ест дичь. Недомерок живет за счет Древолапов. Вынимает дичь из пастей Древолапов, как гиены. Потому Древолапы не станут жить с недомерком. Недомерок ослабляет Древолапов. Недомерок должен уйти.
Гноллы молчат. Древолапы молчат.
– Клок не недомерок, – говорит Клок. – Клок охотится на дичь.
А Джаггал и говорит:
– Клок охотится на белок. Клок кормит Клока. Джаггал охотится на вепрей. Джаггал кормит Древолапов. А Клок вынимает дичь из пастей Древолапов, как гиены.
– Клок не недомерок, – говорит Клок. – Клок дрался.
– Клок не убивал огров, – отвечает Джаггал. – Клок не убивал йети. Клок не дрался. Клок прятался за Грызь. Теперь Грызь умерла. Клок – недомерок. Недомерок ослабляет Древолапов. Недомерок должен уйти. Или недомерок умрет.
Гноллы молчат. Древолапы молчат. Даже Клок молчит. Клоку стыдно.
Тогда Джаггал ударил Клока. Кровь из пасти. Джаггал поднял дубину. Джаггал снова сказал:
– Недомерок должен уйти. Или недомерок умрет.
Клоку стыдно. Клок ушел.
Клоку нельзя возвращаться. Клок умрет, если попадется Древолапам. Недомерок умрет, если Древолап застигнет недомерка в землях Древолапов. Значит, Клок умрет, если попадется Древолапам.
Но у Клока – план. Клок докажет. Клок поймает Свирепого Утеса и покончит с позором. «Клок убьет Свирепого Утеса – Клок докажет, что не недомерок!» – подумал Клок.
Клок пошел искать Свирепого Утеса. Искать йети. Клок долго искал. Но Клок не нашел йети. Не нашел Свирепого Утеса.
Клок охотился. Охотился на белку. Съел белку. Охотился на вепря. Съел вепря. Охотился на оленя. Не съел оленя. Олень слишком быстр. Охотился на медведя. Не съел медведя. Не нашел медведя. Но Клок – хороший охотник! Съел белку. Съел вепря.
Клок охотился на йети. Клок охотился на Свирепого Утеса.
И Клок нашел Свирепого Утеса!
Теперь Клок мог убить Свирепого Утеса и покончить с позором. Но прежде Клока нашел Вордок. Вордок угнал Клока к Гордоку в рабство. Клок опять опозорен.
Клок дрался на арене. Дрался на арене с мурлоком. Убил мурлока на арене.
Клок дрался на арене с Арамом. Но Арам и Клок – друзья. Клок не убил Арама. Арам не убил Клока.
Клок и Арам дрались со Стариной Один Глаз. Арам и Старина Один Глаз стали друзьями. Клок не убил Старину Один Глаз. Арам не убил Старину Один Глаз. Старина Один Глаз не убила Клока с Арамом.

Потом все они дрались с ограми. Макаса дралась с ограми. Макаса дралась с Вордоком. Даже Мурчаль дрался с Вордоком. Макаса ранила Вордока. Клок убил Вордока, который убил Долгоморда, отца Клока. И забрал дубину Вордока себе.

Теперь Клок здесь, с Макасой, Мурчалем и Арамом. Клок снова здесь, в новых землях Древолапов, с Макасой, Мурчалем и Арамом. Но для Древолапов Клок все еще недомерок. Все еще опозорен. Недомерок умрет, если попадется Древолапам. Клок умрет, если попадется Древолапам. Макаса, Мурчаль и Арам умрут, если попадутся Древолапам.

Арам был ошеломлен. Он вспомнил, как впервые встретил Клока у огров, в яме для рабов – ожесточенного, настороженного, злого и такого одинокого... Теперь он понял: Клок пытался рассказать кое-что из своей истории еще тогда. Но времени не хватило: рабов выгнали на арену. Однако там, в яме и на арене, Араму удалось привлечь юного гнолла на свою сторону. Вместе они дали бой виверне по имени Один Глаз, призванной Гордоком, чтобы убить их обоих за отказ убивать друг друга. Потом оба они, вместе с Макасой, Мурчалем и умирающим Талиссом бежали верхом на виверне. Теперь они были друзьями. Верными друзьями. Но за множеством отчаянных шагов и отважных поступков Арам больше не вспоминал об истории Клока. Нет. Чтоб развязать гноллу язык, потребовалась прямолинейность Макасы.

– Ладно, – сказала она, бросив взгляд в сторону залитого водой каньона Тысячи Игл. – Пойдем в обход. Обойдем земли Древолапов подальше. Но на восток ходу нет, если только мы не собираемся добираться до Прибамбасска вплавь.

– Мурчаль флллурлог, – сказал Мурчаль.

Но Макаса оставила реплику мурлока без внимания.

– Поэтому, – продолжала она, – пойдем на запад. Пока ты, гнолл, не решишь, что земли Древолапов достаточно далеко. После этого снова вернемся к прежнему курсу.

Клок согласно кивнул.

– Но так ли это необходимо? – заговорил Арам. – Мы ведь знаем, как вести дела с гноллами. Вспомни, как Грейдон нашел подход к Лютохвостам. Посмотри на Клока и на меня. Мы вполне можем помирить Клока с соплеменниками.

– Мммррглллмм, – сказал Мурчаль.

Клок покачал головой.

– Не стоит нам так рисковать, – возразила Макаса. – Мы уже нажили предостаточно врагов. И дел у нас предостаточно... – Она принялась загибать пальцы. – Найти еду, найти кристаллы, улизнуть от Малуса, добраться до Прибамбасска, доставить по назначению Семя Талисса, отправить тебя домой, в Приозерье. Связываться с целой стаей гноллов в бесплодных попытках изменить их стародавние обычаи нам совсем ни к чему.

– Но нам и не нужно менять их обычаи. Нужно только доказать, что Клок – не какой-то недомерок.

– Недомерок есть недомерок.

Незнакомый голос застал всех врасплох.

– Джаггал, – тихо прорычал Клок.

Но дело было не только в Джаггале. Арам, Макаса, Клок и Мурчаль стояли посреди широкой дороги, у всех на виду, окруженные со всех сторон десятком, а то и дюжиной воинов-гноллов.

Глава шестая. Переговоры

Макаса мысленно дала себе пинка. Да, историю гнолла нужно было выслушать, но как она могла оказаться настолько глупой, чтобы слушать ее здесь, посреди дороги? И как могла позволить себе увлечься его повествованием настолько, что не услышала, как к ней со всех сторон подбирается почти дюжина гноллов?

Рассказывая о своем прошлом, Клок почти не касался описания Джаггала, однако Макаса тут же опознала громилу Древолапов. Относительно молодой, он был намного крупнее всех гноллов, каких ей доводилось видеть; широкоплечий, как ствол могучего дерева, и, несмотря на сгорбленную спину, одного с ней роста – метр семьдесят восемь. Шерсть его была золотисто-коричневой с черными пятнами, с затылка вниз, вдоль спины, тянулась густая рыжая грива. Украшений на нем почти не было – лишь небольшой обрезок железного прута торчал из дырки у кончика острого уха. Кроме этого, гнолл щеголял огромным топором и постоянным насмешливым оскалом (первый, вероятно, был взят с бою у огра, второй же, по всей видимости, достался ему от рождения).

Как бы там ни было, Макаса Флинтвилл была готова к бою с этим гноллом и, хоть ей и отчаянно не хватало привычного гарпуна, оценивала свои шансы на победу в поединке очень и очень высоко. К несчастью, ей было мучительно ясно, что любая ее попытка атаковать может легко привести к всеобщей резне. Ведь громила, конечно же, был не один. С ним были еще девять воинов, трое самцов и шесть самок, одни – того же возраста, что и Клок, другие – значительно старше. Был с ними и щенок – совсем юная самка, едва достававшая макушкой до левого бедра Джаггала. Она была вооружена уменьшенной версией топора громилы (больше похожей на двулезвийную секиру) и щеголяла уменьшенной версией его постоянного насмешливого оскала. (Будь Макаса женщиной азартной, не задумываясь поставила бы серебряную монету на то, что перед ней Джаггалова дочь.) Справиться с громилой было бы несложно, но уложить столь многих противников достаточно быстро Макаса бы не смогла, даже если бы в бой вступил и Клок – на что, судя по его обреченно поникшей голове, полагаться не стоило. Впрочем, Арам в любом случае остался бы без защиты.

Поэтому Макаса приняла оборонительную позу – одна рука на рукояти абордажной сабли, другая на крюке цепи, – готовая ко всему, что гноллы предпримут дальше. Но вот к тому, что Арамар Торн бросится на силача Джаггала, она готова не была. Едва успев поймать Арама за развевающуюся полу кожаного плаща Грейдона, обвязанного вокруг пояса мальчишки, она оттащила его назад. Топор гнолла свистнул, рассекая воздух как раз в том самом месте, где за секунду до удара находилась голова Арамара.

Но Джаггал, судя по всему, не жалел о промахе.

– Что делает глупый мальчишка? – со смехом спросил он.

– Мальчишка не глупый. Мальчишка – Арам, – сказал Клок. – Арам напал, чтоб доказать, что Арам достоин говорить с гноллом.

Джаггал повернулся к Клоку и басовито заворчал.

Дочь его резко тявкнула и сказала – тоненько, но до смешного самоуверенно:

– Недомерок недостоин говорить с Джаггалом. Недомерок недостоин говорить ни с кем из Древолапов.

Громила гордо взглянул на дочь, потрепал ее по макушке и заговорил, обращаясь к Клоку, но не удаивая его взглядом:

– Джаггал предупреждал недомерка, что случится, если недомерка поймают в землях Древолапов. Сейчас недомерок умрет. Потом Джаггал съест недомерка. Друзей недомерка тоже съест. Друзья недомерка глупы, раз подружились с недомерком. Заслуживают съедения.

Арам ошеломленно вытаращил глаза.

– Вы едите других гноллов?!

Гноллы дружно пожали плечами, словно не в силах понять, к чему он об этом спрашивает. Даже Клок пожал плечами.

– Мясо есть мясо, – сказал один из гноллов, и остальные подхватили сию прописную истину вслед за ним.

– Послушайте, – заговорил Арам.

Макаса едва сумела сдержать стон. Что случилось с этим мальчишкой? Ведь раньше в минуту опасности он был не в силах издать ни звука! Когда этот двенадцатилетний недоросль успел стать маленьким Грейдоном Торном? Откуда в нем это красноречие, откуда это отцовское внимание к нюансам межвидовых взаимоотношений? Да, Макаса восхищалась своим капитаном, только Арам-то владел клинком вовсе не так искусно, как Грейдон, и мог полагаться только на слова. Но братец, похоже, не осознавал этого тонкого различия и безрассудно продолжал:

– Клок не недомерок!

– Недомерок есть недомерок, – сказала громила, пренебрежительно махнув лапой.

– Нет. Клок – храбрый воин. Он дрался на арене Гордока. Он дрался вместе со мной против виверны по имени Один Глаз. Он убил огра Вордока.

Услышав это, громила так и вскинулся.

– Недомерок не убил Вордока, – прорычал он.

Тут уж вскинулся и Клок. Он поднял голову и гордо, с нешуточной обидой в голосе, сказал:

– Клок убил Вордока! Клок убил! – Но после этого он тут же снова поник головой и пробормотал: – Макаса и Клок убили Вордока.

Джаггал вновь захохотал.

– Видишь? Недомерок не убил Вордока. Джаггал знал, что недомерку не убить Вордока.

Тут в первый раз с момента появления гноллов заговорила и Макаса:

– Клок убил Вордока. Я – Макаса Флинтвилл. Да, я ранила Вордока. Но убить не смогла. – О том, что убить этого огра ей помешал только Мурчаль, не вовремя бросившийся к ней с объятиями, она предпочла умолчать. – Клок спас Макасу. Клок убил Вордока. Клок взял себе дубину Вордока.

Клок ухитрился воспрянуть духом. Вскинув увесистую дубину огра на правое плечо, он изо всех сил постарался принять дерзкий и бравый вид.

– Клок убил Вордока, – сказал он, подкрепив свои слова резким кивком.

– Вот видишь, – осторожно, точно урезонивая ребенка, продолжал Арам. – Клок не недомерок. Клок – воин, достойный быть в стае Древолапов.

Джаггал поглядел на Арама. Поглядел на Клока. Покосился на Макасу, все еще державшую одну руку на рукояти абордажной сабли, а другую – на крюке цепи. Вновь поглядел на Клока, и выражение его лица смягчилось, словно он наконец-то смог вспомнить те дни, когда Клок с Джаггалом были друзьями и вместе, «не так уж давно», учились биться у матери Клока. Затем громила посмотрел на дочь, цеплявшуюся за его ногу и поднимающую на него взгляд с тем самым насмешливым оскалом, что ненадолго исчез с его лица.

– Недомерок есть недомерок, – едва ли не с грустью сказал он. – Недомерок вернулся в земли Древолапов. Недомерок умрет.

Гноллы, все, как один, шагнули вперед. Макаса обнажила саблю, готовясь уложить громилу и рискнуть встретить последствия лицом к лицу. И даже Арам вынул клинок из ножен.

– Недомерок умрет, – сказал Клок, однако в тоне его не было слышно ни признания поражения, ни обреченности. Нет, в его словах звучала только хорошо рассчитанная резкость. – Или недомерок докажет, что недомерок – Клок и убьет Свирепого Утеса.

Гноллы – все, кроме Джаггала и его дочери – дружно отступили назад, будто одно упоминание имени Свирепого Утеса могло призвать гиганта-йети сюда.

Однако на Джаггала все это не произвело никакого впечатления. Он только засмеялся вновь.

– Недомерок не убьет Свирепого Утеса. Недомерок даже не найдет Свирепого Утеса. Свирепый Утес со всеми своими йети прячется от Древолапов. Он нападает на наших охотников, убивает гноллов, потом снова скрывается в холмах.

– Клок уже нашел Свирепого Утеса. Нашел Свирепого Утеса прежде, чем Вордок взял Клока в плен. Теперь Вордок мертв. Клок убил Вордока. Теперь Клок убьет Свирепого Утеса дубиной Вордока.

Джаггал изумленно уставился на Клока и недоверчиво покачал головой.

– Нет, – сказал Джаггал.

– Да, – возразил Клок. – Джаггал отпускает Клока и его друзей. Клок, Арам, Макаса и Мурчаль снова найдут Свирепого Утеса. И после этого Клок убьет Свирепого Утеса дубиной Вордока. Клок клянется в этом жизнью Клока.

Одна из старших гноллов, самка с шерстью цвета бронзы, с большими, вислыми мешками под серыми глазами, сказала:

– Если недомерок не убьет Свирепого Утеса, Свирепый Утес убьет недомерка. А если Клок не найдет Свирепого Утеса, Джаггал убьет недомерка. Так ли, иначе – недомерок умрет.

– Да, – кивнул Клок. – Но если Клок найдет Свирепого Утеса, если Клок убьет Свирепого Утеса, то Джаггал позволит Клоку и его друзьям пройти через земли Древолапов.

По-видимому, это удовлетворило старую самку. Она кивнула Джаггалу.

Но Джаггал вновь покачал головой.

– Если недомерок вправду знает, где прячется Свирепый Утес, недомерок скажет Джаггалу, где прячется Свирепый Утес. Джаггал убьет Свирепого Утеса.

Молчание затянулось настолько, что Макаса обернулась к Клоку, опасаясь, как бы тот не выдал ту самую информацию, что может спасти жизнь всем четверым, но тут же увидела, что опасаться не стоит. Клок широко улыбался. Его темно-карий глаз насмешливо шурился, а ярко-голубой едва ли не сиял огнем.

Смерив Джаггала взглядом, Клок захохотал.

– Клок не дурак. Клок не скажет Джаггалу ничего. Отпусти Клока, и Клок убьет Свирепого Утеса.

– Пусть недомерок идет, – сказала и старая гноллка. – Что потеряют от этого Древолапы?

Джаггал без каких-либо предупреждений махнул в ее сторону топором – так, что лезвие рассекло воздух в волоске от ее носа (в чем, видимо, и состояли намерения громилы). Старая самка, отпрянув, склонила голову.

– Каррион не матриарх, – сказал Джаггал. – У Древолапов нет матриарха. – Он бросил взгляд на дочь. – У Древолапов пока нет матриарха. – С этими словами он повернул лезвие топора плашмя и ударил им себя в грудь. – Поэтому Древолапами правит громила. Древолапами правит Джаггал. Пусть Каррион не указывает Джаггалу, что ему делать.

Каррион покорно закивала.

– Джаггал – громила, – согласилась она. – Каррион – не матриарх. За Древолапов решает Джаггал.

– За Древолапов решает Джаггал, – сказал и Джаггал, поворачиваясь к Клоку. – Если Джаггал позволит недомерку с друзьями уйти, недомерок с друзьями сбежит. Не найдут Свирепого Утеса. Не убьют Свирепого Утеса. Недомерок просто сбежит. Как все недомерки.

– Клок – не недомерок, – ответил Клок. – Клок не сбежит.

– Тогда недомерок оставит с Джаггалом друга. Если недомерок сбежит, друг умрет.

– Нет! – закричал Арам.

– Джаггал сказал: да! – рыкнул на него Джаггал. – Недомерок оставит друга. А Сивет пойдет с недомерком и убедится, что недомерок убил Свирепого Утеса.

– Сивет? Кто это? – спросил Арам.

Но ему никто не ответил. Впрочем, Макаса и без того могла бы точно сказать, кто это, едва взглянув на высокомерную гримасу на лице юной гнолки. Слегка удивляла решимость громилы подвергнуть собственную дочь такому риску, однако Макасе тут же вспомнилось, что и ее мать поступала со своими четырьмя детьми примерно так же.

– Кого из друзей оставит недомерок? – спросил Джаггал.

– Мурчаль мрругл, – сказал Мурчаль. – Лок дрррг Мурчаль мрругл.

– Нет, Мурчаль! – вновь запротестовал Арам. – Тебе вовсе ни к чему оставаться!

Мурчаль только пожал плечами.

– Мргле, мргле, Мурчаль мрруггл. Мурчаль мрругл.

– Мурчаль, друг Клока, останется с Древолапами, – ответил Клок. – Сивет пойдет с Клоком, Арамом и Макасой. Сивет увидит, как Клок убьет Свирепого Утеса. Сивет вернется назад и скажет Джаггалу, что Клок – не недомерок. Джаггал отпустит Мурчаля, Клока и друзей Клока.

Джаггал кивнул и подтолкнул Сивет к Клоку. Клок подтолкнул к громиле Мурчаля.

– Не нравится мне оставлять Мурчаля в заложниках у этих гноллов, – шепнул Арам Макасе. – Мы же только-только выручили его из лап Малуса.

– Ты видишь другой выход, братец? – прошептала она в ответ. Если уж он может пытаться повлиять на нее, называя ее сестренкой, она вполне может ответить тем же. – Я – не вижу.

Арам ничего не сказал – только слегка поник головой, и это яснее ясного означало «нет».

Покончив с переговорами, Клок повел Сивет, Арама и Макасу по дороге, прочь от Джаггала с его девяткой воинов и улыбающегося во всю пасть, машущего вслед друзьям мурлока.

Глава седьмая. Малышка-матриарх

Как только Древолапы скрылись из виду, Клок свернул с дороги и твердым, уверенным шагом повел маленький отряд в холмы. От голода у Арама так закружилась голова, что он отстал от остальных на несколько шагов.

Сивет оглянулась на него и тоненьким, просто-таки сочащимся презрением голосом сказала:

– Не отставай, глупый мальчишка!

– Она тебе никого не напоминает? – спросил Арам, увидев улыбку, мелькнувшую на губах Макасы.

Улыбка Флинтвилл тут же исчезла, как не бывало.

– Нет. А кого? Что ты имеешь в виду?

– На свете нет таких, как Сивет из стаи Древолапов, – сказала Сивет. – Сивет будет матриархом.

Клок кивнул.

– Сивет будет матриархом, – сказал он.

– Недомерок не может говорить с Сивет, – едва ли не выплюнула маленькая гноллка. – Недомерок вообще не может говорить, пока не убьет Свирепого Утеса. Если недомерок сможет убить Свирепого Утеса. Если недомерок сможет найти Свирепого Утеса.

Клок промолчал. Однако он явно успел воспрянуть духом и дерзко улыбнулся. Арам не знал, вправду ли Клок уверен, что сможет убить йети. Но юный воин-гнолл, очевидно, ничуть не сомневался, что сумеет его отыскать.

– Ты уверен, что Джаггал не следит за нами? – спросила Макаса.

– Джаггал послал Сивет, – ответила вместо Клока Сивет. – Джаггалу нет нужды следить за недомерком и глупыми людьми.

Ответ Макасы был быстр. Миг – и она выхватила из лап юной гноллки ее топорик, а другой рукой взяла ее за горло.

– Я – Макаса Флинтвилл из Тернистой долины, – сказала она. – Я – не недомерок. А ты еще не матриарх. Научись уважать тех, кто старше и лучше тебя, щенок, иначе сама никогда не станешь старше и лучше.

Сивет даже не подумала сопротивляться. Бесстрашно глядя в глаза Макасы, она кивнула в знак уважения к ее проворству и силе.

Макаса отпустила горло гноллки и протянула ей топор. Сивет приняла свое оружие. Отвернувшись от нее, Макаса пошла вперед рядом с Клоком. Арам, шедший за Сивет, на миг встревожился, не вонзит ли та возвращенный топор Макасе в спину, но Сивет ускорила шаг, поравнялась с Макасой и с немалым восхищением взглянула на нее снизу вверх. Взглянув на Сивет сверху вниз, Макаса кивнула в знак уважения к проявленному ей почтению.

Арам, шедший позади всех, только покачал головой. Интересно, что случилось бы, ответь он таким же образом на гнев и презрение второго помощника Флинтвилл там, на борту «Волнохода»? Что, если в этом случае он заслужил бы ее уважение много раньше?

На закате они остановились у ручья. Все четверо утолили жажду – люди черпали воду сложенными в горсть ладонями, а гноллы опустили на четвереньки и принялись лакать. Напившись, Макаса не забыла заново наполнить флягу Талисса.

Сивет уселась на землю, вынула из небольшого кошель на поясе полоску вяленого мяса вепря и оторвала от нее зубами порядочный кусок. Ее спутники – даже Макаса – устали на вяленое мясо так, точно готовы были склониться перед ним, как перед алтарем.

Гноллка самодовольно ослабилась, вынула из кошелья еще одну полоску мяса и протянула ее Макасе. Когда Макаса оторвала от нее кусок и подала его Араму, это не вызвало у нее возражений. Но стоило Макасе оторвать еще кусок, для Клока, она возмущенно твякнула:

– Нет! Недомерок не получит пищи Древолапов!

Клок в нерешительности остановил протянутую к мясу лапу. Остановилась и Макаса.

– Клок ведет нас к могучему Свирепому Утесу, – немного поразмыслив, сказала она. – Клок собирается убить Свирепого Утеса для Древолапов. Для этого пища Древолапов должна придать Клоку сил.

Сивет все это явно не понравилось, но из уважения к Макасе она неохотно кивнула. Макаса протянула Клоку его долю, и он быстро сунул ее в пасть целиком – на случай, если кто-то из дам вдруг передумает.

Вскоре Клок вновь повел спутников вперед, вдоль ручья, вверх по каменистому склону. С наслаждением жуя соленое, прyanое вяленое мясо, Арам мысленно дивился способности Макасы совладать с Сивет. Чем дальше, тем больше он убеждался: Макаса точно знает, как повлиять на гноллку. В самом деле, глядя на Сивет, Макаса словно смотрелась в зеркало. Нет, с виду между ними не было ничего общего: разный возраст, разные расы, никакого физического сходства. И все же Арам был уверен, что, глядя на Сивет, словно бы видит саму Макасу в детстве – тоненькую юную девочку из Тернистой долины, властную и неудержимую. И без раздумий поставил бы вот этот драгоценный кусок вяленого мяса на то, что трем старшим братьям Макасы стоило немалых усилий держать ее в узде.

Клок вел их на северо-запад – вниз, в овраг, и снова наверх, на следующий холм. Арам прекрасно понимал, что теперь они шагают как раз в противоположную от Прибамбасска сторону – едва ли не назад, к ограм из Забытого Города. Однако мальчику очень хотелось помочь Клоку и выручить Мурчаля, и потому он даже не думал возражать. Тревожило только одно: если Свирепый Утес действительно так опасен, как полагают Древолапы, сумеет ли Клок одолеть этого зверя? Но Арам полагался на то, что Макаса поможет Клоку в бою и устроит все так, чтобы их друг-гнолл смог нанести решающий смертельный удар.

Смертельный удар? Эта мысль заставила Арама замешкаться. Вправду ли йети непременно нужно убить?

Араму немедленно вспомнилась виверна Один Глаз. Ведь поначалу они с Клоком и ее сочли всего-навсего чудищем, которое нужно убить, чтобы остаться в живых, но после обнаружили, что она – мать троих детенышей, захваченных ограми, чтобы принудить ее служить любым капризам Гордока. В конце концов Арам сумел найти способ спасти детенышей и объединиться со Старинной Один Глаз против общего врага.

То было одним из любимых наставлений Грейдона Торна, повторявшееся раз за разом в сотне различных вариантов, но неизменно сводившееся к одному: в любом живом существе можно найти нечто стоящее, нечто драгоценное.

И это подтвердилось на деле: разве не так вышло с гноллами? Впервые увидев стаю гноллов, Арам определенно счел их не более чем монстрами. А теперь он считал гнолла одним из лучших друзей!

А если мудрость отца применима к вивернам и к гноллам, нельзя ли применить ее и к йети?

– А мы уверены, что йети – наши враги? – осторожно спросил он.

Сивет закатила глаза к небу. И даже задрала к небу голову.

– Конечно, йети – враги гноллов, глупый мальчишка! – пропищала она. – Йети убивают гноллов!

С этими словами она взглянула на Макасу, свою новую героиню, ожидая одобрения в адрес своего ругательства.

Макаса поморщилась. Похоже, ее раздирали надвое противоречивые чувства. Скорее всего, она вовсе не возражала против того, что Арама назвали «глупым мальчишкой» – тем более, что его вопрос и ей должен был показаться на удивление абсурдным, поскольку она-то видела потенциального врага в любом живом существе, независимо от его вида, не делая исключения и для людей. (Да, для Макасы Флинтвилл все на свете были равны, как и для Грейдона Торна, только на свой лад: Грейдон видел во всех вокруг потенциальных друзей, а Макаса – потенциальных врагов.) Но, кроме этого, она принципиально не выносила закатывания глаз: Арам из личного опыта знал, насколько это выводит ее из себя.

Поэтому, пока Макаса сердито хмурилась в поисках ответа, он продолжал настаивать на своем:

– Да, йети убивают гноллов. Но разве гноллы точно так же не убивают йети? Если убийства с обеих сторон прекратятся, то, может быть...

– Убийства не прекратятся, – сказал Клок, рассеянно почесывая за ухом свободной лапой. – Убийства никогда не прекращаются.

В голосе юного гнолла не было ни печали, ни радости. Он просто констатировал очевидный для него факт.

Но Арам смотрел на вещи иначе. По крайней мере, с некоторых пор. Он рассказал об уроках отца. Припомнил Старину Один Глаз. Описал отцовскую встречу с матриархом стаи Лютохвостов.

Клок заворчал, неохотно признавая его правоту. Но Сивет слушала, недоверчиво разинув пасть.

Арам полез в задний карман штанов за блокнотом, чтобы показать маленькой гнолке добрую магию на его страницах. Увидев общность существ разных видов, почти все на свете начинают смотреть на вещи под новым углом. (Во всяком случае, раньше это неизменно работало!) Однако Макаса придержала его руку.

– А что «драгоценного» ты мог бы найти в Гордунни? – спросила она.

Это вмиг сбило Арама с толку. Он покопался в голове, но так и не смог отыскать в кровожадных обычаях огров ничего стоящего.

Беспомощно раскрыв рот, он поднял взгляд на сестру и, к собственному удивлению, увидел в ее глазах искорку доброты.

– Тебе не спасти всех и каждого, Арам, – мягко сказала она. – К тому же, не каждого и стоит спасать.

Арам невольно кивнул, соглашаясь с ней, и тут же разозлился на себя за это согласие. Однако возразить на аргумент Макасы было нечем, и это его здорово опечалило.

Именно в этот момент Сивет захихикала, смеясь над убитым видом и поверженными идеалами Арама, заставив его, в свою очередь, ненадолго задаться вопросом, стоит ли спасать именно эту заносчивую гнолку.

Ответ на этот вопрос не заставил себя ждать.

Довольно скоро Клок повел их вдоль узкого, как лезвие ножа, гребня холма, укрытого от взглядов кольцом высоких сосен. Гребень огибал укромный каньон, узкий, однако глубокий, скалистый, но довольно зеленый. Должно быть, тысячелетия назад могучая река проточила в граните узенькую расщелину. Потом расщелина превратилась в ущелье, а ущелье – в каньон. Ныне от реки остался лишь узкий безымянный ручеек, журчавший на дне каньона далеко внизу. Все это послужило угрюмому Араму еще одним доказательством, что все на свете меняется – даже, казалось бы, столь постоянные вещи, как скалы или могучие реки... не говоря уж о его отношении к урокам отца.

Солнце село. Бледная Госпожа еще не взошла, но Синий Карлик – по крайней мере, на семь восьмых – поднялся над стеной деревьев. Мрачное настроение Арама развеялось разве

что наполовину, но при виде синих отблесков ручейка в лунном свете художник в его душе не смог сдержать восхищенного шепота:

– Какая красота...

Клок с Сивет дружно оглянулись на Арама через плечо. Подобно ручейку, глаза гноллов зловеще сверкнули в лазоревом свете Карлика. Поглядев на человеческого мальчишку, Сивет разразилась тоненьким, лающим, полным презрения смехом.

– Ч-ш-ш! – тихонько шикнул на нее Клок. – Мы прямо над пещерами йети. Над пещерой Свирепого Утеса.

Они уже прошагали половину пути вокруг каньона, и потому Сивет полоснула Клока злым взглядом.

– Недомерок водит Сивет по кругу, – прорычала она. – Недомерок врет про Свирепого Утеса. Недомерок не знает, где Свирепый Утес.

У «недомерка» не оказалось времени – да и надобности – отвечать. В тот же миг снизу, прямо сквозь рыхлую землю, вдруг высунулась огромная мохнатая лапища. Ухватив Сивет за ноги, лапища увлекла ее под землю – казалось, в самые недра Азерота – прежде, чем гноллка успела хоть пискнуть.

Глава восьмая. Свирепый Утес

– Клок идет за Сивет! – завопил Клок, подняв дубину над головой. – Вход в пещеру внизу! Вперед!

С этими словами он обрушил дубину вниз, расширяя дыру в земле. Удар, еще удар... Как только размер дыры сравнялся с шириной его плеч, он прыгнул вниз и скрылся из виду.

Арам замер от изумления. Он заглянул в дыру, но не увидел ничего, кроме темноты. Тогда он оглянулся на Макасу, но ее не оказалось на месте. Макаса тоже исчезла.

Где она?

Внизу!

Спохватившись, он подобрался к краю гребня, взглянул вниз и успел увидеть Макасу, будто бы скрывшуюся в склоне горы.

Отсюда, сверху, входа в пещеру было не видно, но, наконец-то сообразив, что произошло, Арам понял: вход существует. До каменного уступа перед входом было метра три, а то и четыре. Каким образом Макаса спустилась вниз? Этого Арам не видел. Вполне можно было представить себе, что попросту спрыгнула. Арам попытался взять себя в руки и сделать то же самое, но не сумел одолеть страх. Тогда он ухватился за край обрыва, осторожно соскользнул вниз, повис на руках, разжал пальцы и, пролетев оставшиеся полтора метра, приземлился на корточки перед зияющей пастью темной пещеры.

Поднявшись на ноги, он вынул из ножен абордажную саблю, закусил нижнюю губу и устремился внутрь. В пещере отвратительно пахло мускусом. Синий лунный свет струился вниз сквозь дыру в ее своде, озаряя открывшуюся перед Арамом картину. Невероятно огромное создание, целая гора меха и мускулов – очевидно, тот самый йети по имени Свирепый Утес, – сжимало в гигантском кулаке Сивет. Сивет была в сознании, но не могла даже шевельнуться: ее руки были крепко прижаты к туловищу. Рядом, на полу пещеры, лежал ее маленький, размером с секиру, топор.

Клок висел в воздухе, уцепившись лапой за правый рог, горизонтально торчавший из огромной головы зверя. Свободной рукой юный воин-гнолл ударил йети дубиной Вордока. Глухо стукнувшись о правое плечо чудовища, оружие отскочило, не нанеся никакого видимого урона. И уж тем более – не заставив йети выронить Сивет.

Макаса стояла перед зверем – в одной руке сабля, в другой цепь. Последняя беспомощно свисала вниз. Макаса не могла пустить ее в ход, так как Свирепый Утес держал прямо перед собой Сивет. В голове Арама тут же замелькали мысли: «Что же это? Безмозглому зверю просто улыбнулась слепая удача? Может, он просто держит Сивет подальше от Клока и заслоняется ею от самой сокрушительной атаки Макасы, сам того не ведая? Или этот йети, наоборот, прекрасно знает, что делает?»

Казалось, Арам слышит, как Макаса жалеет о потерянном гарпуне. Неудивительно: поначалу, кроме приглушенных ударов дубины Клока о толстую мохнатую шкуру Свирепого Утеса, слушать в пещере было нечего. Ни один из дерущихся не издавал ни звука. Свирепый Утес мотнул головой из стороны в сторону, стараясь стряхнуть Клока с рога, но Клок удержался. Тогда йети потянулся свободной левой рукой через голову, чтобы схватить гнолла, но Клок вовремя отдернул задние лапы. Все это выглядело, точно какая-то пантомима. Сивет не визжала. Клок с Макасой не испускали боевых кличей. Арам – тот и вовсе едва дышал.

А йети не ревел.

Это было странно. Араму думалось, что зверь такой величины мог бы взреветь так громко, что каменные стены пещеры пойдут трещинами. Но йети не издавал ни звука. Клок качался на его роге (нетрудно было представить, сколько неудобств это причиняло йети),

однако зверь молчал. А что могло бы означать это выражение на его морде? Уж не решимость ли?!

Сивет сдавленно, едва слышно вскрикнула. Арам понял: пальцы монстра еще сильнее сдавили ее крохотное тельце. Казалось, ее голова вот-вот отделится от шеи и с громким хлопком, будто пробка, выбитая из бутылки, отлетит прочь.

Арам поравнялся с Макасой и остановился рядом. Он очень хотел помочь ей, вот только не знал, чем, и вовсе не желал помешать сестре. Обменявшись с ней взглядами, он понял: Макаса и сама не знает, что тут можно предпринять.

Зато это знал Клок.

– Макаса, понизу, – прорычал он.

Арам не смог понять, что он имел в виду, но Макаса Флинтвилл все поняла и шагнула назад, раскручивая цепь. Теперь Арам, определенно, увидел, как йети шевельнул рукой, закрываясь Сивет от Макасы. Свирепый Утес действительно использовал маленькую гноллку вместо щита, прикрывая от удара голову! Но Макаса целила вовсе не в голову зверя. Внезапно присев, она ударила монстра по ногам, захлестнув цепью его лодыжку, толстую, как бревно. Цепь натянулась. Макаса рванула ее к себе, стараясь свалить огромного зверя с ног. Но тот даже не дрогнул. Тогда Макаса кивнула Араму. Мигом поняв, что от него требуется, мальчик бросился к ней и тоже ухватился за цепь. Застонав от натуги и тем нарушив тишину, оба потянули изо всех сил.

Однако Свирепый Утес не сдвинулся с места. Его сверкающие желтые глазки слегка сузились, словно бы в презрительной гримасе. Другой реакции Араму с Макасой от него добиться не удалось. Йети поднес Сивет к своей огромной зубастой пасти. Если ее голова и не оторвалась от шеи, то сейчас монстр был готов откусить ее – а может, попросту проглотить Сивет целиком.

Арам с Макасой возобновили усилия, но почти сразу услышали новый звук. Нет, не в пещере – звук доносился снаружи. Это был громкий яростный рев. Так яростно, грозно, протяжно, разочарованно мог бы реветь медведь, окруженный гончими.

Но Свирепый Утес слышал в этом реве нечто большее. Спокойным состязаниям с цепью Макасы и дубиной Клока тут же настал конец. Скорее, в ответ на зов снаружи, чем в адрес своих противников, йети громко заревел и рванулся вперед, заставив Макасу с Арамом отскочить в стороны. Склонив голову, он с силой ударил Клока о стену пещеры и наконец-то сумел высвободить рог.

Макаса снова рванула цепь, пытаясь задержать зверя, но огромная нога наступила на цепь, и оружие выскользнуло из ее рук. С волочащейся позади цепью и зажатой в кулаке Сивет зверь устремился к выходу, но Клок, оттолкнувшись от стены, прыгнул ему наперерез и обрушил дубину на его запястье. Нет, Свирепый Утес не вскрикнул от боли. Правду сказать, он не издал ни звука, однако выронил Сивет. Упав на пол, та перевела дух, зажмурилась, подхватила свой топорик и – куда быстрее Арама – вскочила на ноги, готовая броситься в бой.

Но Свирепый Утес скрылся.

Все четверо обменялись взглядами, и Макаса с Клоком помчались наружу. Сивет с Арамом поспешили следом.

– Ты в порядке? – спросил Арам на бегу.

Сивет что-то пробормотала в ответ. Одно это снова заставило ее зажмуриться и вздрогнуть от боли, но бега она не замедлила. Арам не сумел расслышать, что она сказала, но почти не сомневался, что без «глупого мальчишки» и на сей раз не обошлось.

Все четверо выбежали из пещеры. В небе над их головами, чуть ниже Синего Карлика, появилась Бледная Госпожа. Ее яркий свет озарил путь Свирепого Утеса, явственно обозначенный поваленными деревьями. Путь йети вел вниз, ко дну каньона.

– Клок должен убить Свирепого Утеса, – сказала Сивет, тяжело дыша.

Если юный воин-гнолл и заметил, что она назвала его по имени, то ничем не выдал этого.
– Клок знает, – коротко сказал он в ответ.

Арам покосился на Макасу. Та просто-таки кипела от ярости.

– Эта зверюга уволокла мою цепь, – процедила она сквозь зубы.

Макаса уже потеряла гарпун и вовсе не собиралась терять еще и эту треклятую цепь. Спрыгнув с каменного уступа, она заскользила вниз. За ней последовал Клок. За ним – Сивет. За ней – Арам.

«Зверюга»... Вправду ли Свирепый Утес – всего лишь зверь? Инстинктивное стремление найти способ обойтись без убийства, на время заглухшее после спора с Макасой и напоминания об ограх, вновь дало знать о себе. Свирепый Утес явно был не просто неразумным животным. Он действовал обдуманно. При этом проявил и решимость, и презрение, и даже терпение. И, без сомнения, не стремился во что бы то ни стало убить их. И в конечном счете не пустился в бегство. Нет, йети не просто сбежал. Он помчался... на чей-то зов. Скорее всего, на зов другого йети.

И, чем ниже четверка людей и гноллов скатывалась по крутому склону, тем крепче становилась уверенность Арама в том, что их небольшой охотничий отряд выбрал неверный путь...

Впрочем, следовать по пути Свирепого Утеса было легче легкого. Да, йети скрылся из виду, но просеку, оставленную им за собой, не разглядел бы только слепой. Он пересек каньон по прямой, не останавливаясь ни перед кем и ни перед чем – ни перед их четверкой, ни перед могучими деревьями, ни перед безымянным ручьем, а, поднимаясь наверх по противоположному склону глубокого ущелья, даже разметал в стороны несколько огромных валунов. Четверо охотников поспешили за ним, не остановившись даже тогда, когда Макаса нашла свою цепь, брошенную рядом с огромным дубом, преступно вставшим на пути Свирепого Утеса и в наказание с корнем вывернутым из земли.

Не сбавляя шага, Макаса подобрала цепь.

– Похоже, он торопится, – с мрачной улыбкой заметила она.

Четыре минуты спустя Макаса, Клок, Сивет и Арам остановились перед входом в другую пещеру. Следы Свирепого Утеса вели внутрь.

– Внутри может быть много йети, – сказал Клок.

– Может быть, – согласилась Сивет. – Но Свирепый Утес там.

Клок кивнул и двинулся вперед. Сивет – за ним. За ней – Макаса. И снова Араму выпало идти последним.

В конце туннеля брезжил неяркий свет – холодный, серебристо-голубой. Но путь сквозь гору занял некоторое время. Каждые метров пятьдесят, или около того, туннель раздваивался, и четверым охотникам приходилось останавливаться – пусть ненадолго. К счастью, отыскать на земле свежие отпечатки огромных лап Свирепого Утеса не составляло никакого труда.

– Возможно, он ведет нас в западню, – сказала Макаса.

– Он вряд ли вообще помнит о нас, – возразил Арам. – Не ради нас он вдруг сорвался с места и бросился сюда.

Макаса сердито взглянула на него, явно готовясь спросить, откуда Арам может с такой уверенностью знать, о чем думает этот огромный зверь. Но одного взгляда на лицо мальчика – даже в полумраке – оказалось достаточно, чтобы понять, насколько он убежден в своей правоте, и Макаса промолчала. У нее было прирожденное чутье к одним вещам, а у Арама – к другим, и оба они уже научились прислушиваться к интуиции друг друга. По крайней мере, до определенной степени.

Наконец туннель вывел их в неглубокую долинку по ту сторону горного хребта. Араму тут же стало ясно: вот оно, пристанище, тайное убежище йети! Правда, чтобы понять это, не требовалось ни чутья, ни интуиции: достаточно было увидеть внизу, в сотне метров впереди,

отряд огров Гордунни посреди поля боя, усеянного мертвыми телами йети и огров. Командир отряда, такой же мощный и широкоплечий, как Вордок, заковывал уцелевших йети в цепи. Двум дюжинам соплеменников Свирепого Утеса, самцов и самок, стариков и детей, включая двоих-троих даже моложе Арама, предстояло отправиться в рабство, на гладиаторскую арену покойного Гордока.

Глава девятая. Враг моего врага

Гордок послал Вордока за рабами на запад. А Марджак послал на восток.

– Без новых рабы ты не возвращаться, – сказал Гордок Марджаку.

Марджак думает, рабы тупы. Ничего не делают. Да, дерутся на арене. Но бои рабов скучны. Марджак думает: Гордок заставляет рабов драться, чтоб глупые огры были веселы. Глупый веселый огр и не подумает бросить Гордоку вызов. А вот Марджак думает бросить Гордоку вызов. Марджак будет новым Гордоком. Скоро. Но еще не сейчас. Гордок еще слишком силен.

Потому Марджак пошел на восток. Искать новых рабов. Искать гноллов. Искать йети. Раньше уже находил. Нашел гноллов. Нашел йети. Нашел даже таурена.

На этот раз Марджак не нашел гноллов. Марджак не нашел йети. Не нашел таурена. Не нашел даже мурлоков. Но Марджак не мог вернуться домой, в Забытый Город, без новых рабов. Потому Марджак продолжал искать.

Наконец Марджак заметил йети. Одного йети. Маленького йети. Марджак мог изловить маленького йети. Но не стал ловить йети. Марджак проследил за йети. Нашел много йети. Под командой Марджака было около двадцати огров. Марджак приказал напасть.

Йети не хотели быть новыми рабами Гордока. Йети дрались. Огры дрались. Марджак дрался. Марджак убил двух йети. Нет, Марджак не был рад. Мертвые йети не могут драться на арене. Да еще несколько огров умерло. Не много. Несколько. Это ничего. Марджак должен был привести назад новых рабов. Марджаку не было нужды приводить назад всех своих огров. Огров в Забытом Городе полно.

Очень много йети умерло. Но сколько-то Марджак заковал в цепи. Йети – хорошие рабы для арены. Дерутся не так скучно. Гордок будет рад. Поэтому и Марджак был рад.

Но тут пришел Свирепый Утес. За ним пришел человеческий мальчишка. За ним пришел гнолл. За ним пришла человеческая женщина. И даже маленькая гноллка, совсем щенок...

Свирепый Утес держался особняком. Он любил свое племя. Но долина-убежище была слишком мала. А Свирепый Утес был большим. Его огромному телу был нужен простор. И его разуму тоже был нужен простор. И уединение. Чтобы подумать, как быть дальше.

Поэтому он жил в собственной пещере, в стороне от долины. Но недалеко. Достаточно близко, чтобы слышать зов племени. Но и достаточно далеко, чтоб думать, как быть дальше.

Он очень скучал по землям йети. Не по тем, откуда они ушли. Эти земли сделались мертвыми. Он скучал по прежним землям – из тех времен, когда огры еще не вырубili всех деревьев, не распугали всю дичь, не начали убивать йети или уводить прочь.

Эти прежние земли были просторны и обильны. Да, уж там хватало простора для йети... Хватало простора для Свирепого Утеса... Неподалеку жили гноллы, но места хватало и гноллам, и йети. А если кто из гноллов подбирался слишком близко – что ж, гнолла убить нетрудно.

Но все это было раньше.

Когда огры уничтожили земли, уничтожили деревья, уничтожили дичь, Свирепый Утес понял: йети надо уходить. Они прошли через земли гноллов (скольких-то гноллов пришлось убить), шли, шли и нашли эту укромную долину. Нашли себе убежище.

Тревожило одно: убежище было слишком мало для его племени. Да, в долине было безопасно, о ней не знали ни огры, ни гноллы. Но йети нужен простор! Они не могли – да и не хотели – оставаться в убежище все время. Поэтому йети выходили на простор. Но Свирепый Утес знал: на просторе их могут выследить. Раскрыть тайну убежища. Да, это была задача. Над этой задачей Свирепый Утес и размышлял в своей уединенной пещере.

А, размышляя, слушал, не раздастся ли с той стороны каньона зов племени.

Но вместо этого услышал шаги над своей пещерой. Услышал голоса. Разговор. Услышал гноллов. Услышал их прямо над головой. «Эти гноллы не нашли убежища, – подумал Свирепый Утес. – Однако подобрались слишком близко. Эти гноллы должны умереть».

Рассудив так, он проломил кулаком потолок пещеры и схватил одного из гноллов, самого шумного. И уволок вниз. Гнолл оказался самкой, всего лишь щенком. Не стоит и есть. Не стоит и убивать. Но тут сквозь дыру, пробитую Свирепым Утесом в потолке, в пещеру свалился еще один гнолл. Этот гнолл тоже едва вышел из щенячьего возраста. Он повис на роге Свирепого Утеса, но оказался не настолько тяжел, чтобы это хоть чем-то досаждало. Затем в пещеру вбежали еще двое гноллов. Странные это были гноллы. Кожа да кости. Совсем без меха. Самка и самец, еще щенок. У самки была железная цепь. Она раскрутила ее в воздухе, целя в голову Свирепого Утеса. Но Свирепый Утес выставил вперед самого маленького из щенят гноллов, и эта странная безволосая гноллка перестала размахивать цепью. Позволила ей упасть наземь. Как будто не знала, что делать. «Должно быть, не слишком смышленная», – подумал Свирепый Утес. А может, эти двое и вовсе не гноллы? Может, это такие крохотные огры? Очень маленькие огры, которые думают, что сумеют свалить Свирепого Утеса с ног, дергая свою цепь...

Но нет, это были не огры. Огры с гноллами не стали бы драться вместе. Может, это вздорные уродливые эльфы? Свирепый Утес взглянул на них с презрением. Уродливые эльфы, да к тому же не слишком смышленные...

И тут он услышал зов соплеменников. На убежище напали! Огры – на этот раз настоящие огры – напали на йети! А Свирепый Утес был занят игрой с этими гноллами и вздорными эльфами. Но теперь было уже не до игр. Сбив гнолла с рога, он побежал к выходу. И в спешке едва не забыл о щенке в кулаке. Гнолл-самец ударил Свирепого Утеса дубиной по запястью. Было немного больно. Свирепый Утес выронил щенка. Мог и не ронять, но не хотел обременять себя маленькой гноллкой. Сейчас, когда он так спешил вернуться в убежище, к своему племени, это было вовсе ни к чему.

Свирепый Утес не стал тратить времени зря. Напрямик вниз, в каньон, напрямик вверх. Что попадалось на пути – деревья, камни, и прочее – отодвигал. Свирепый Утес был большим. Отодвигать деревья было легко. О цепи, захлестнутой за лодыжку, он и не вспоминал, пока она не размоталась и не свалилась. Но он даже не оглянулся на нее.

Он подбежал к длинной пещере. Останавливаться не стал. Дорога была известна. Пробежав сквозь гору, Свирепый Утес вышел с другой стороны. И только тут замешкался.

Дело было куда хуже, чем он думал. Куда хуже, чем он надеялся. Огры нашли убежище. Многие йети уже были мертвы. Сестра Сердце была мертва. Брат Жила был мертв. Сильные воины и мудрые старцы были мертвы. Детеныши были мертвы.

Многие огры тоже были мертвы, но этого было мало. Теперь уцелевшие огры заковывали остатки племени Свирепого Утеса в цепи.

ВЗРЕВЕВ, Свирепый Утес помчался вниз по склону! Не останавливаясь и даже не замедлив бега, он оторвал голову ближайшему огру. Еще двоих поддел на рога. И бросился на остальных! Отрывал руки и ноги. Кусал и бил. Но некоторые огры были большими – почти как сам Свирепый Утес. И у них было оружие. Молоты. Копья. Они начали бить его молотами. Колоть копьями издалека. Он знал, что его не возьмут в плен. Но понял, что сейчас умрет. Будет драться, пока не умрет. А потом уйдет – далеко-далеко, на просторы Дальних Угодий йети. К Дальним Угодьям он был готов...

Но тут появился уродливый эльфийский мальчишка. А за ним – самец гноллов. А за ним – уродливая эльфийская женщина с цепью. И даже гноллка-щенок...

* * *

– Работу Клока сделают за Клока, – сказала Сивет.

Клок, нахмутив брови, кивнул.

– Клок навсегда останется недомерком, – с отчаяньем сказал он.

Казалось, его откровение несколько расстроило малышку-матриарха. В последнее время ее отношение к Клоку явно претерпело разительные изменения.

Свирепый Утес бушевал в толпе огров и уже нанес им немалый урон. Но их было слишком много. Макаса прекрасно понимала, что зверь не сдастся и будет драться со слишком многочисленными врагами, ведомыми в бой слишком грозным командиром, до самой смерти. Столь же ясно было и другое: возможно, огромный йети и заберет с собой половину огров, но гибели ему не избежать. И это вполне устроило бы Макасу, вот только, если Свирепый Утес умрет не от руки Клока, выручить мурлока будет значительно сложнее.

Внезапно Арамар Торн сорвался с места и помчался вниз по склону. Макаса попыталась схватить и удержать его, но не смогла дотянуться. Конечно, его вполне можно было достать цепью, но, желая уберечь мальчишку, удерживать его таким образом не стоило. (Однако это не означало, что Макаса не задумалась об этом на миг.) Несколько секунд спустя они с Клоком тоже бросились в свалку. И даже Сивет...

«Глупый мальчишка глуп», – думала Сивет.

«Клок храбр, но Клок пошел за глупым мальчишкой, значит, и Клок глуп. Макаса Флинтвилл храбра, но Макаса Флинтвилл идет в бой вместе с глупым мальчишкой и Клоком. Может быть, Макаса Флинтвилл тоже глупа».

«И вот Сивет тоже идет в бой».

«Наверное, Сивет тоже глупа».

Арам сорвался с места, даже не успев осознать собственного порыва. Огр нацелил копье в спину Свирепого Утеса, и Арам, подбежав, полоснул его саблей по руке.

Рана от его удара оказалась неглубокой, однако заставила огра – огромного, с рыжевато-бурой кожей и огромными бивнями, растянувшими его пасть чуть не до ушей – повернуться к источнику досадной помехи. При виде маленького мальчика огр изумленно вытаращил глаза и покорно, едва ли не пожав плечами, поднял копье вновь – на сей раз с тем, чтобы проткнуть им Арама.

Но тут что-то мелькнуло в воздухе. Это был Клок, прыгнувший прямо над головой Арама вниз со склона. Взмахнув дубиной Вордока и вложив в удар весь свой вес, гнолл раскроил рыжевато-бурому огру череп. Арам невольно съежился и отпрянул назад. Клок добрых две секунды балансировал на плечах мертвого огра, затем с громким, пронзительным клекотом спрыгнул вниз и бросился в бой с остальными Гордунни.

Рыжевато-бурый огр с грохотом рухнул на землю, и копье монстра вновь едва не пронзило Арама, не успевшего сообразить, что стоит без движения, как идиот. Не оттащи его Макаса в сторону – тут бы ему и конец.

– Держись позади! – крикнула Макаса.

Однако сама она вовсе не собиралась следовать собственному совету. Ее сабля выскользнула из ножен, цепь свистнула, описав в воздухе широкую дугу, и Арам, невзирая на все опасности, почувствовал: бой останется за ними.

Выходка Арама привела Макасу в ярость. Но с ним можно было разобраться и после. А пока что она быстро прикинула в уме: судя по количеству поверженных огров, лежащих

на дне долины, Гордунни вряд ли оставили кого-то из своих воинов в резерве. В отряде их, вероятнее всего, было около двадцати. В бою с йети и Свирепым Утесом уже погибла примерно дюжина. Еще одного только что убил Клок. Остается... пятеро, шестеро... семеро. Семеро самых больших и сильных, включая гиганта-командира, однако всего лишь семеро. А семеро – это, конечно, куда как лучше двадцати.

Взмахнув цепью, она захлестнула ею могучий бицепс ближайшего огра и дернула. Это было совсем не то, что тянуть Свирепого Утеса: от рывка Макасы огр покачнулся и упал – прямо на острие ее сабли. Осталось шестеро.

Макаса скрестила клинки со следующим. Вернее сказать, скрестила саблю с его топором. Огр был огромен, силен, но очень медлителен, и зарубить его не составило труда. Пятеро...

Тут появление новых бойцов привлекло внимание остальных огров. Двое из них отвернулись от Свирепого Утеса. Явная ошибка. Со зверем следовало покончить, пока еще был шанс. Когти йети с мясом вырвали хребет первого из тех, кто повернулся к нему спиной. Четверо...

Краем глаза Макаса увидела этого сумасшедшего гнолла, Клока. Тот выбрал себе в противники самого большого из огров – командира, почти такого же гиганта, как король огров Гордок. Огр изумленно уставился на маленького гнолла с огромной дубиной, а увидев Сивет, подбежавшую к Клоку и вставшую рядом с ним с крохотным двулезвийным топориком наготове, расхохотался в голос. Командир огров тоже был вооружен двулезвийным топором, только значительно большего размера, и взмахнул им с такой силой, что мог бы одним ударом снести головы обоим гноллам. Однако он был явно непривычен к бою с такими маленькими противниками. Клок легко пригнулся, уйдя от удара, а Сивет и пригibasя не пришлось. Скользнув под вытянутую руку командира огров, Клок обрушил дубину на его ступню. Огр взвыл от боли, бросив на Клока и его дубину яростный взгляд.

– Это дубина Вордока! – заорал он. – Откуда у маленького гнолла дубина Вордока?

– Клок взял дубину с мертвого тела Вордока! – пролаял в ответ Клок. – Когда Клок прикончит Марджака, Клок заберет себе и топор Марджака!

Командир огров по имени Марджак взревел, занес топор над головой и с невероятной быстротой и силой обрушил его вниз. Клок с Сивет отскочили в стороны.

Макаса понимала, что им нужна ее помощь, но и сама была занята боем с двумя ограми – двух с половиной и трех метров ростом, да вдобавок пыталась приглядывать за беспомощным Арамом.

Послушавшись ее приказа, мальчишка отступил, но надолго в стороне не остался. Вскоре он снова бросился вперед, на помощь Свирепому Утесу, и снова полоснул саблей огра, нацелившегося нанести йети удар сзади. И снова его удар не нанес противнику особого урона. Тот немедля обернулся и с легкостью выбил из рук Арама саблю. Но действия Арама снова отвлекли огра настолько, что йети успел повернуться и сломать огру шею. Трое...

Тут Макасе почудилось, что йети с мальчишкой переглянулись. Что это? Этот зверь и вправду только что кивнул, благодаря Арама? Нет! Это просто безумие! Что ж, утрата сабли хотя бы заставила Арама отбежать в сторону, чтобы подобрать оружие.

Однако после этого Макаса ненадолго перестала следить за остальными: два огра, удерживаемые на расстоянии при помощи цепи, попробовали зайти к ней с разных сторон. Пришлось прибегнуть к старому, но неизменно действенному трюку. Повернувшись спиной к трехметровой огрихе, Макаса склонила линию вращения цепи в сторону ее сородича ростом поменьше. Огриха тут же пригнулась и бросилась вперед, под цепь, но Макаса тут же изменила траекторию вращения, и конец цепи угодил прямо в челюсть огрихи. Та, оглушенная, покачнулась. Тогда на Макасу бросился огр, зашедший спереди, но Свирепый Утес подсек его ногу, повалил наземь и пустил в дело когти. Двое...

Освободившись от одного из противников, Макаса развернулась к трехметровой огрихе. Та еще не успела оправиться от удара в челюсть, и сабля Макасы вонзилась ей прямо в сердце. Один...

Этим «одним» был Марджак, командир огров. Он все никак не мог покончить с двумя юными гноллами, но и им до сих пор не удалось достичь никакого успеха. Однако теперь дело приняло новый оборот: расправившись со своими противниками, к гноллам пришли на помощь Свирепый Утес и Макаса. Марджак оказался окружен с трех сторон. Тут уж насмешливая ухмылка исчезла с его лица. Он замахал топором, описывая в воздухе широкие дуги – уже не для того, чтоб убивать, но чтобы выиграть время, необходимое его огрской голове для разработки хоть какого-то плана. Но Свирепый Утес не был склонен предоставлять ему нужное время. Как только топор просвистел мимо, йети воспользовался моментом и бросился вперед.

Но Клок заорал:

– Нет!!! Свирепый Утес не убьет Марджака! Марджак убил Грызль! Убил мать Клока! Клок убьет Марджака!

И йети вправду отступил назад! Тут бы Макасе задуматься, так ли уж непонятлив и неразумен этот зверь, но она была слишком занята сожалениями о потерянном гарпуне. Будь гарпун при ней, она предпочла бы не обращать на требования Клока внимания и убить Марджака с безопасного расстояния, пока что-нибудь не пошло не так.

Однако к такому повороту Макаса, можно сказать, была почти готова. Она ведь планировала помочь Клоку убить йети. Тот же план может сработать и с командиром огров – и даже лучше. Как только огр взмахнул топором еще раз, Макаса нанесла удар. Железные звенья лягнули, угодив в локоть огра, и цепь захлестнула его руку. Макаса дернула цепь, заставив взревшего огра пошатнуться, и Клок ударил Марджака дубиной в колено. Нога огра подломилась. Марджак припал на поврежденное колено. Клок взмахнул дубиной снизу вверх, и челюсть огра треснула под новым ударом. Когти Свирепого Утеса полоснули огра по спине. Огр вновь взревел – на этот раз от боли. Тут к нему подскочила и Сивет, заноса над головой свой топорик-секиру. Марджак поднял свободную руку, защищая лицо, и это стоило ему пары пальцев.

* * *

Чтобы поднять оружие, Арам был вынужден отойти на добрый десяток метров. Как легко – слишком легко (да к тому же не в первый раз) – враг смог выбить саблю из его рук! Смущенный, Арам предпочел обвинить во всем саблю. «Ведь на самом деле она не моя», – сказал он себе. Да, сабля принадлежала Старине Коббу, моряку, предавшему отца Арама, переметнувшемуся к Малусу. Во время боя за корабль Грейдона Торна Кобб загнал Арама в угол и уже совсем было собрался проткнуть его насквозь, но в этот миг рухнувшая мачта «Волнохода» раздавила Кобба в лепешку. Арам, потерявший в бою уже две сабли, был вынужден вынуть ту, что носил с тех пор, из его мертвой руки. И все это время не мог избавиться от какого-то суеверного недоверия к ней. В глубине души прочно засело чувство, будто сабля все еще хранит верность Коббу, будто ей, может быть, даже нравится выскальзывать из его пальцев, будто она и сейчас стремится исполнить последнюю волю Кобба и погубить Арамара Торна.

Однако другого клинка у него не было, и потому он побежал за своей саблей. А к его возвращению все остальные уже бились с командиром огров. Остановившись позади и чуть слева от Макасы, Арам взглянул на него и поморщился. Нет, в нем не было ни капли сочувствия ни к кому из огров – тем более, к огру, убившему мать Клока, но в душе он чувствовал, что этот бой вряд ли можно назвать честным. Четверо против одного – само по себе достаточно скверно, а уж если один из этих четверых – йети из йети, другой – Макаса Флинтвилл, а третий – охваченный жадной мести Клок... Арам не мог не почувствовать жалости к Марджаку. Совсем немного. Самую чуточку. А может, и еще меньше. Несмотря на это, он совсем было собрался

вмешаться, сказать... сказать хоть что-нибудь. Но, пока он пытался подыскать нужные слова, найти способ примирить всех, Марджак огляделся по сторонам, в последний раз взглянул на странную коллекцию живых существ вокруг – таких разных, но, как один, явившихся по его душу, – повернулся к Клоку и с презрением сказал:

– Грызть нетрудно было убить.

Клок что было сил взмахнул дубиной, и на этом все кончилось. Командиру огров Марджаку настал конец, а Арам так и не смог отыскать нужных слов.

Последовала недолгая пауза. Затем Макаса шагнула вперед, чтобы освободить цепь, обмотанную вокруг ручки мертвого огра.

Свирепый Утес направился к своим йети, чтобы освободить их от цепей.

Но Клок окликнул его:

– Свирепый Утес!

Все повернулись к нему. Вооружившись топором Марджака, Клок двинулся к Свирепому Утесу. Тот, недовольно ворча, встал в полный рост и развернулся навстречу гноллу.

Сивет едва не запрыгала от нетерпения, приготовившись посмотреть, сумеет ли Клок вернуть себе имя раз и навсегда. Судя по всему, она болела за него всей душой – едва ли не с тем же пылом, с каким еще недавно презирала «недомерка».

Макаса отступила назад, чтоб это последнее столкновение прошло своим чередом.

Но у Арамара Торна была другая идея, и на сей раз нужных слов долго искать не пришлось...

Глава десятая. Союзник моего союзника

- Сугл.
- Джаггал.
- Сугл!
- Нет. Джа-аг...гал.
- Суг... гул. Суггул.
- Уже лучше, – прорычал Джаггал.

Правда, ничего хорошего он во всем этом не видел. Всего один день и одна ночь, а Джаггал уже возненавидел маленького заложника-мурлока лютой ненавистью. Весь день и всю ночь непрерывно лопочущий какой-то вздор мурлок таскался за Джаггалом, вприпрыжку бегал за Джаггалом по всей деревне Древолапов. Настало утро, Джаггал несет дрова к поленнице – на поленнице сидит мурлок. И лопочет. Джаггал разводит огонь в очаге – мурлок лопочет у огня. Джаггал идет к реке по воду – мурлок спит у воды. (Мурлок даже не подумал уплыть прочь! Но хотя бы во сне не лопотал.) Джаггал идет в хижину подремать – мурлок пляшет и лопочет прямо на крыше его хижины!

Джаггал рявкнул на мурлока. Мурлок спрыгнул вниз. Джаггал схватил мурлока, чтобы связать. Глупый мурлок увидел веревку и обрадовался!

– Мурчаль флллурллог мгrrrrrl! – сказал глупый мурлок. Заплясал вокруг Джаггала. Забрал у Джаггала веревку. Принялся вязать на веревке узлы. Совсем запутал веревку глупый мурлок.

– Мурлок хочет сеть, – объяснила Каррион. – Хочет сплести сеть. Рыболовные сети важны для мурлоков.

– Мргле, мргле, – сказал мурлок. – Мурчаль флллурллог мгrrrrrl! Мммурлок флллур мгrrrrrl!

Джаггал только лапами всплеснул.

– Дайте мурлоку веревку, – сказал Джаггал. – Пусть мурлок плетет сети. Только держите мурлока подальше от Джаггала!

Джаггал ушел в хижину. Джаггал прилег вздремнуть. Но Джаггал не смог вздремнуть. Не смог уснуть. Потому что снаружи, у самого порога, мурлок болтал с Каррион.

- Курун.
- Каррион.
- Курун.
- Нет. Ка-ар... ри-и... он!
- Кур... и-и... ун. Куриун.
- Уже лучше.

Джаггал в хижине зарычал.

Мурлок – заложник. Джаггал понимал: Джаггал должен обменять заложника на Сивет. Но мурлок – такой глупый заложник! Джаггал подумал, не отпустить ли Джаггалу заложника-мурлока на волю. Или, может, убить заложника-мурлока? Убить заложника-мурлока означало рисковать жизнью Сивет. Но мурлок не только плел себе сеть. Мурлок вдобавок заплел все извилины в мозгу Джаггала!

Джаггал не смог вздремнуть. Джаггал вышел наружу – возможно, чтобы убить заложника-мурлока.

– Суггул! – закричал мурлок при виде Джаггала. Глупый мурлок был рад видеть Джаггала...

Джаггал поднял топор и двинулся к мурлоку... и тут из лесу вышла Сивет.

«Если только удастся проверить это, – думал Арам, – это будет моей лучшей магией!»

Он велел Сивет идти первой, и она едва ли не вприпрыжку помчалась вперед. Она не просто подчинялась, она помогала охотно! Впрочем, убедить ее не составило труда. Когда Арам – насколько сам понимал все это – начал объяснять, отчего Свирепый Утес схватил ее, отчего этот йети чувствовал надобность защищать соплеменников от ее народа, терпение Сивет быстро иссякло, и она оборвала его, сказав:

– Сивет знает все это, глупый мальчишка.

«Вот и она обращена в новую веру, – подумал Арам. – В учение капитана Торна!»

Войдя в деревню гноллов, Сивет окликнула Джаггала, подбежала к нему и потерлась мохнатой головой о его мохнатый бок.

Арам с Клоком вышли за ней как раз вовремя, чтобы увидеть, как выражение лица Джаггала на глазах меняется, как его гнев превращается в радость. Да, он бросил последний злобный взгляд в сторону Мурчаля, но тот уже мчался огромными прыжками мимо громилы и его дочери, раскрыв объятия навстречу друзьям.

– Урум! Лок! Дрррзя! Нрк млгтрм Мрка?!
– Ч-ш-ш, – шикнул на него Арам.

Потрепав мурлока по голове, он поднял взгляд на Джаггала, медленно, с ленцой двинувшегося им навстречу с Сивет под мышкой.

Подойдя, Джаггал с пренебрежительной усмешкой взглянул на Клока, тащившего что-то в джутовом мешке за плечом.

– Недомерок принес голову Свирепого Утеса? – спросил он тоном, исполненным своеобразного гноллского сарказма.

Клок медленно покачал головой.

– Ха! Джаггал так и знал! Недомерок даже не нашел Свирепого Утеса!

– Клок нашел Свирепого Утеса, – негромко, спокойно, даже слегка равнодушно ответил Клок.

Джаггал вновь фыркнул и взглянул на Сивет, ожидая, что та подтвердит его догадку.

Но Сивет сказала:

– Клок нашел Свирепого Утеса.

Это явно застало Джаггала врасплох. Он удивленно воззрился на дочь, и та кивнула. Тогда Джаггал медленно повернулся к Клоку и снова спросил:

– Клок принес голову Свирепого Утеса?

На этот раз вопрос был задан от чистого сердца. Вдобавок – заметил Джаггал это или нет – он вслед за Сивет назвал Клока по имени.

Клок снова покачал головой.

Джаггал с отвращением махнул лапой в его сторону.

– Значит, недомерок остается недомерком, – сказал он.

Пока что все шло в точности по плану Арама.

– Клок не убил Свирепого Утеса, – сказал Клок, сунув лапу в мешок и бросив на землю, к ногам громилы, голову Марджака. – Но Клок убил Марджака.

Джаггал потрясенно уставился на Марджакову голову. Арам тоже взглянул на нее, но тут же поспешил отвернуться. Проломленная голова, облепленная жужжащими мухами, выглядела откровенно тошнотворно.

Не веря своим глазам, громила покачал головой.

– Нет. Недомерок не убил Марджака. Человеческая женщина убила Марджака. Где женщина?

Но Клок сказал:

– Клок убил Марджака.

И вновь Сивет подтвердила его правоту:

– Марджак убил Грызъ. Грызъ – мать Клока. Потому Клок убил Марджака дубиной Вордока.

Клок снова сунул лапу в мешок и извлек из него тяжелый двулезвийный топор Марджака. Бросив мешок, юный гнолл опустился перед Джаггалом на колени, покорно склонил голову и подал оружие громиле.

– Клок забрал топор Марджака. Но Клок не оставит его себе. Клок дарит топор громиле Древолапов. Клок дарит топор Марджака старому другу Клока Джаггалу.

Положив на землю собственный топор, Джаггал неуверенно шагнул вперед, медленно потянулся к оружию и взял его в руки. Очевидно, подарок ему понравился: вскинув топор над головой, он радостно захохотал.

Но, стоило ему снова взглянуть на Клока, улыбка его увяла, сменившись... нет, не гневом или презрением, но сожалением и грустью. Опустив топор, он покачал головой.

– Недомерок хорошо сделал, убив Марджака. Но уговор был другим. Чтобы вернуть себе имя и спасти друзей, недомерок обещал Джаггалу Свирепого Утеса. Недомерок пришел к Джаггалу без Свирепого Утеса. Недомерок с друзьями должны умереть.

– Клок пришел к Джаггалу со Свирепым Утесом, – пожав плечами, ответил Клок.

С каждым новым его откровением изумление Джаггала становилось сильнее и сильнее.

– Где?! – взвыл он, оглядевшись по сторонам. – Где тело Свирепого Утеса?!

И тут, как по команде, из-за деревьев появилась Макаса, ведя за собой тело – очень большое и абсолютно живое тело Свирепого Утеса. При виде огромного йети Каррион и прочие гноллы попятились назад.

Но Клок, Сивет и Джаггал остались на месте. Последний посмотрел на зверя и устремил на Клока благодарный взгляд. На губах громилы заиграла блаженная улыбка. Сглотнув, он едва ли не с любовью произнес:

– Клок подарил Джаггалу топор Марджака, чтобы Джаггал убил им Свирепого Утеса. Клок настоящий друг.

Вот теперь пришло время вмешаться Араму.

– Джаггал не может убить Свирепого Утеса, – сказал он. – Иначе йети убьют гноллов.

Свирепый Утес издал громкий рык. В ответ на его зов из-за деревьев со всех сторон появились йети, окружив деревню и Джаггала с его гноллами плотным кольцом.

Ярость Джаггала оказалась еще сильнее недавней радости.

– Предатель! – взревел он, занося топор над головой Клока. – Джаггал убьет предателя-недомерка! Джаггал убьет людей! Джаггал убьет мурлока! Джаггал убьет Свирепого Утеса! Джаггал умрет! Все гноллы умрут! Но предатель, люди и йети умрут тоже!

– Нет, – возразил Арам. – Никто не умрет. Йети пришли не затем, чтоб убивать вас. Не затем, чтобы убить хоть одного гнолла. Йети гноллам не враги. Это огры – враги гноллов. Огры – враги йети. Поэтому гноллам и йети следует быть друзьями. Союзниками. Им стоило бы драться с ограми из клана Гордунни вместе. А земли поделить между собой, не убивая друг друга.

– Нет! – зарычал Джаггал.

Но тоненький, однако весьма уверенный голосок сказал:

– Арам прав, Джаггал.

– Что?!

Громила повернулся к дочери и замахнулся, собираясь отвесить ей оплеуху. Но Сивет не дрогнула.

– Сивет видела, – сказала она. – Сивет видела, как гноллы, люди и йети вместе дрались против Марджака и огров Гордунни. С двадцатью ограми. Гноллы умрут в бою против двадцати огров. Люди умрут в бою против двадцати огров. Йети умирали в бою против двадцати огров.

Но вместе люди, гноллы и йети убили двадцать огров. Вместе гноллы, люди и йети сильнее. Арам прав, Джаггал.

Клок согласно кивнул.

– Арам прав, Джаггал.

– Урум ммммл, – сказал и Мурчалъ (чем едва вновь не вывел Джаггала из себя).

Но Джаггал смирил свой гнев и окинул деревню неуверенным взглядом.

Тогда Сивет выскользнула из-под его руки, уверенным шагом подошла к Свирепому Утесу, взяла его за огромную лапищу и потянула к отцу. Свирепый Утес осторожно последовал за ней и остановился, как только остановилась она.

Настал момент истины: Свирепый Утес и Джаггал, громила Древолапов, лицом к лицу. У одного в руках новый, только что подаренный топор. Другой вооружен всем, чем только может вооружить живое существо природа.

Все вокруг затаили дыхание...

Джаггал кивнул.

Свирепый Утес рыкнул.

Так и был скреплен их союз.

Гноллы разразились радостными криками. Йети взревели, задрав головы к небесам. Арам глубоко вздохнул от облегчения. Да, магия и вправду оказалась доброй. Но провернуть этот трюк в одиночку ему бы не удалось. Он хлопнул Клока по плечу, и оба радостно ухмыльнулись друг другу.

Подошедшая к ним Сивет тоже улыбалась во всю пасть.

– Сивет, однажды ты станешь великим матриархом! – сказал Арам.

– Да, – согласился Клок.

И даже Макаса, покачивавшая головой не в силах поверить в то, чего им удалось достичь, сказала:

– Великим матриархом.

Сивет засияла от гордости.

И, наконец, дело дошло до праздничного пиршества.

Йети принесли дары – медвежатину и оленину. На миг Араму стало не по себе: ведь на его глазах в медведя и оленя превращался его друг, друид Талисс! Но сомнения тут же исчезли. «Не может же это оказаться наш ночной эльф», – сказал он себе. Как говорится у гноллов, мясо есть мясо, а Арам еще никогда в жизни не был так голоден.

В этот вечер нужно было накормить множество ртов, поэтому медвежатину порезали на толстые ломти – для йети и Джаггала. Оленину же Каррион превратила в огромную кастрюлю «Дыхания дракона». Арам с жадным вожелением смотрел, как Каррион льет в кастрюлю масло и добавляет в него перцы и лук. Пять до-о-олгих минут она обжаривала овощи, пока они не стали мягкими и золотистыми. Затем в ход пошло мясо – тонко нарезанная оленина, кубики медвежатины и кружки свиных колбас из запасов гноллов. Все это Каррион мешала, пока мясо не побурело (еще пять мучительно долгих минут).

Настало время приправ – тмина, перца-чили и щепоти чего-то еще, чего Арам так и не смог опознать. После этого в кастрюлю была добавлена подлива из помидоров, гноллского эля и мясного бульона, кипевшего на медленном огне в отдельном котле. Затем – бобы и новая порция помидоров...

А затем – бесконечное ожидание. Два часа в ожидании «Дыхания дракона», варившегося на медленном огне и источавшего такой соблазнительный аромат, оказались мукой похуже заточения в рабской яме у огров. Чавканье Свирепого Утеса и Джаггала, рвавших зубами ломти (соответственно) сырого и слегка обжаренного мяса, делало ожидание еще мучительнее. Араму так захотелось стащить с их блюда хоть кусочек, что Макасе пришлось схватить его за руку.

– Арамар Торн, – сказала она, – неужели ты вправду готов погубить этот невероятный союз, заключенный тобой же только сегодня, всего лишь ради того, чтобы поесть на пару минут раньше?

– Да!!!

Макаса грозно нахмурилась.

– Да, – повторил Арам, но уже не так решительно и громко.

Макаса нахмурилась еще сильнее.

– Ну, может, и да...

Но Макаса не сводила с него сердитого взгляда.

– Ладно, нет.

Итак, они подождали. И еще подождали. И еще немного. Так прошла четверть часа.

– Это уже не пара минут, – заметил Арам.

Макаса вполне могла бы сказать: «Паршивец, я тоже голодна!» Но вместо этого сказала:

– Доставай свой блокнот.

«Блокнот! Ну конечно! Вот что поможет дотерпеть до конца!»

И это действительно помогло. Начав со Свирепого Утеса, Арам обратил внимание на множество деталей, которых не смог подметить прежде: во время битв и переговоров он успел запомнить только его невероятную величину, огромные рога, да огромные когти. Теперь же он видел, что Свирепый Утес покрыт густым бурым мехом с легким красноватым отливом с головы до пят, за исключением белоснежного брюха и белоснежной бороды. Лицо его, напротив, лишённое всякой растительности, пересекал наискось длинный рваный шрам, тянувшийся от правой брови к левому уголку рта. Рот йети был полон кривых зубов, уши – острые, а рога – сплошь покрыты тонкими поперечными кольцами, чем-то напоминавшими годичные кольца на срезе бревна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.